

**АЛЕКСАНДР КОЛПАКИДИ,
ЕЛЕНА ПРУДНИКОВА**

**ДВОЙНОЙ ЗАГОВОР.
«НЕУДОБНЫЕ»
ВОПРОСЫ О СТАЛИНЕ
И ГИТЛЕРЕ**

Белые пятна истории

Александр Колпакиди

**Двойной заговор. «Неудобные»
вопросы о Сталине и Гитлере**

«Алисторус»

2021

УДК 82-94
ББК 84(2Рос-Рус)6-4

Колпакиди А. И.

Двойной заговор. «Неудобные» вопросы о Сталине и Гитлере /
А. И. Колпакиди — «Алисторус», 2021 — (Белые пятна истории)

ISBN 978-5-907351-92-9

Почему Сталин, в высшей степени прагматичный и трезвый глава государства, накануне войны обезглавил армию? В чем подлинные причины чисток 1937 года? За что был расстрелян Михаил Тухачевский? И какое отношение ко всему этому имеет Адольф Гитлер? На эти и другие «неудобные» вопросы нашей истории ищут ответы журналист Елена Прудникова и петербургский историк Александр Колпакиди. Их версия событий хотя и не бесспорна, но оригинальна и отвечает на многие вопросы... Расширенный и дополненный вариант изданной двадцать лет назад «легендарной» книги. В формате PDF A4 сохранён издательский дизайн.

УДК 82-94
ББК 84(2Рос-Рус)6-4

ISBN 978-5-907351-92-9

© Колпакиди А. И., 2021
© Алисторус, 2021

Содержание

Введение	6
Часть первая. Тайное сотрудничество Германии и России	7
Глава 1. Горе побежденному	8
Глава 2. Союзники поневоле	22
Глава 3. «В глухом Липецке, в Казани и под Симбирском...»	32
Конец ознакомительного фрагмента.	47

Александр Колпакиди, Елена Прудникова

Двойной заговор. «Неудобные» вопросы о Сталине и Гитлере

© Колпакиди А. И., 2021

© Прудникова Е. А., 2021

© ООО «Издательство Родина», 2021

* * *

*Мятеж не может кончиться удачей —
В противном случае его зовут иначе.*

Джон Харингтон

Введение

Советский Союз на заре своего становления – удивительное государство. В одно и то же время он был страной, всерьез проектировавшей воздушные замки, и прагматичным до цинизма игроком в азартной игре под названием «международная политика». С эльфами на языке прекрасных фей, с волками по-волчьи – вот так и жили. Впоследствии и то, и другое принесло совершенно сокрушительные плоды – но был ли иной вариант? Дракончик посреди волчьей стаи должен был выиграть время, чтобы вырасти и научиться огрызаться огнем.

Эта книга – о германо-советской дружбе посреди германо-советской вражды. Написана она двадцать лет назад, но актуальности не потеряла. О маршале Тухачевском и его товарищах написано столько, что от одного упоминания этого имени зубы болят. Двадцать лет назад предположение, что он все-таки являлся заговорщиком, было почти революционным, сейчас изображать из него невинную жертву репрессий как-то даже неприлично, этим занимаются разве что динозавры «перестройки». Динозавр плохо видит, но думает, что при его весе это не его проблемы... и сам не замечает, как оказывается в этаким «парке Юрского периода». Жизнь весело течет мимо, лишь иной раз недоуменно оглядываясь на рык из-за забора. «Кто это там? А, динозавры! Опять какое-нибудь письмо подписывают...»

Но, при всем обилии информации военные антисталинисты по-прежнему остаются «сферическими заговорщиками в вакууме». Этакими прекраснодушными мальчиками в погонах, бросившими вызов тирану ради процветания любимой державы, и только ради него. Не было у них ни карьерных, ни шкурных, ни меркантильных соображений, они (что вы, что вы, как можно!) не были связаны ни с какими силами за границей. Почему не были? А потому что отзвук 50-х – 90-х по-прежнему царит в головах. Если не на уровне идей, то хотя бы как фон. Поначалу считалось, что все жертвы «тридцать седьмого года» были невинно репрессированными. Когда выяснилось, что всё-таки не все были овечками, то не овечек возвели в статус борцов с тиранией. Да, готовили заговор, но ведь из благих же побуждений!

Наверное, бывают и благородные заговорщики. Но... а чего они, собственно, хотели? И ради чего?

Часть первая. Тайное сотрудничество Германии и России

...Летом 1921 года на перрон Брянского вокзала в Москве из относительно чистого и комфортабельного по тем временам международного вагона вышли два человека, резко выделявшиеся своим явно заграничным видом из вокзальной толпы. Одного приставленный наблюдать за ними сотрудник ВЧК знал хорошо – с очередным визитом на Родину приехал советский представитель в Берлине Виктор Копп. Другого он обрисовал в донесении так: «На вид лет 35–40. Волосы темные, короткие, лицо круглое, брюзгливое, бритое. Одет: серое кепи, серый костюм, длинные зеленоватые чулки, коричневые полуботинки». Фамилия гостя была Нейман.

Не знаем, что было у сотрудника ВЧК по геометрии, и изучал ли он ее вообще, если эту длинную, типично прусскую физиономию посчитал круглой. Брюзгливое выражение лица служило хорошей маскировкой для зорких, умных глаз. И фамилия гостя была совсем не Нейман. Год назад он уже приезжал в Москву, и тогда звался Зибертом, хотя был Зибертом не более, чем Нейманом. Агент ВЧК не мог знать настоящего имени гостя, но его начальство было прекрасно осведомлено, кто он такой. Под именем Неймана Москву посетил человек примечательный и загадочный. Сейчас его имя почти забыто, а тогда он был широко известен в узких кругах как «немецкий Лоуренс» и, несмотря на молодость, считался асом разведки. В Советскую Россию с важнейшей миссией налаживания германо-советских контактов прибыл Оскар фон Нидермайер.

...Тем же летом 1921 года комфронта Тухачевский переступил порог Академии Генерального штаба, сделав очередной зигзаг своей сюрреалистической карьеры. Подпоручик царской армии, почти всю Первую мировую войну благополучно пробывший в германском плену, в Гражданскую он взлетел до командарма, потом до командующего фронтом. Командовал то более, то менее успешно, провалил одну из крупнейших кампаний польской войны, но все равно был самым популярным военачальником Красной Армии. А теперь, имея за плечами двухлетнее военное училище, был назначен ни больше, ни меньше, как начальником Академии.

Пока что они не знакомы, эти два человека. Пройдет еще несколько лет, прежде чем они встретятся. Им предстоит еще подружиться, перейти на «ты», потом их снова разнесет в разные стороны. Возможно, именно эта встреча сыграет в судьбе маршала Тухачевского роковую роль. В любом случае, Германия – роковая для него страна.

Пройдет время, и эти двое едва не изменят мировую историю. Но пока еще идет 1921 год. Только что закончилась война. Они молоды. У них еще многое впереди...

Глава 1. Горе побежденному

Все войны, в сущности – драка из-за денег.

М. Митчелл

Осень 1918 года. Четыре года длится война, равной которой еще не было в истории человечества. Одно за другим подходят к пределу прочности воюющие государства. Трещат троны, рушатся империи. Первой пала Российская империя, где война привела к революции, а революция обернулась чем-то совсем уж запредельным и никому не понятным, и это непонятное уже год пылает пожаром, рассыпая головни по Европе. На очереди проигрывающая войну страна – Германия и Австро-Венгрия. Это крушение тоже чревато многими потрясениями, но союзники, увлеченно громящие побежденных, пока что этого не понимают. Они и Россию пока не понимают. Они ничего не понимают, кроме того, что и в той, и в другой стране под шумок можно очень хорошо грабануть. И грабят беззастенчиво в России, предвкушая хорошую поживу в Германии.

Осенью 1918 года войне приходит долгожданный конец. Войска Антанты переходят в наступление по всему германскому фронту. Не выдержав их натиска, измотанная немецкая армия отступает, проклиная тех, кто затеял эту войну. Над фронтом стоит крик, как год назад стоял в России: дайте мир! Любой, пусть самый похабный! Такой же крик стоит и над страной, в которой давным-давно угас патриотический пыл. Населению не до патриотизма – похоронки, голод, а ведь немцы, как и большинство европейцев, привыкли жить хорошо. Эта привычка населения Европы к сытой мирной жизни еще не раз роковым образом скажется на ее судьбах.

Средние классы, непривычные к лишениям, пребывают в жестокой депрессии, рабочие все громче протестуют, присоединяя к выступлениям против войны неизменные социальные и политические требования. Они смешно выглядели бы в агонизирующей державе, если бы не подкреплялись забастовками и стычками с полицией, которые еще больше дезорганизуют жизнь государства – хотя куда уж больше...

Все бы ничего, и катастрофы, и поражения уже не раз бывали в кровавой европейской истории, и совершенно точно известно, что даже если половина населения погибнет от голода и лишений, то ведь вторая-то половина останется! В самом крайнем случае, кто-нибудь еще заселит пустующие земли, и жизнь дальше пойдет своим чередом. Но теперь ситуация иная. Перед глазами немецкого пролетариата – вдохновляющий пример Советской России, где рабочие и солдатские толпы погнали хозяев и приличное демократическое правительство – и ничего, живут! Уже год живут! И этого нельзя было не учитывать, хотя союзники по Антанте этого, как уже говорилось, не понимают и еще пять лет не поймут, пока не встанет заревом на полнеба «германский красный октябрь».

Пылающая Германия

Итак, победоносной войны не получилось. Дела на фронте все хуже, а выступления рабочих идут по нарастающей. Уже в 1917 году общее количество участников стачек в Германии достигло 1,5 млн человек. Экономические требования перемешивались с политическими: рабочие требовали улучшения снабжения хлебом и углем, мира без аннексий и контрибуций и создания Советов по русскому образцу – всего понемножку. Но прежде всего – мира. В начале 1918 года, когда населению показалось, что процесс мирных переговоров с Россией идет слишком медленно, то, чтобы подстегнуть его, 28 января разразилась колоссальная политическая стачка. Она охватила все крупные промышленные центры Германии, и участвовало в ней около 2 млн человек.

Впрочем, стачки стачками, а революционность немецких товарищей переоценивать не стоит. В отличие от русского с его анархическим образом мыслей, немцы – народ, уважающий порядок, и неудивительно, что большинство революционно настроенных немецких рабочих находились под влиянием социал-демократической партии, которая была весьма «умеренной и аккуратной». Она оказалась слишком умеренной даже для таких отнюдь не радикальных товарищей, как Карл Каутский и Гуго Гаазе, которые в апреле 1917 года откололись от СДПГ и создали свою собственную партию, получившую название Независимой социал-демократической партии Германии. В социал-демократии они занимали позицию «левее правых, но правее левых». А левыми, немецким аналогом большевиков, был появившийся в январе 1916 года «Союз Спартака» во главе с Карлом Либкнехтом и Розой Люксембург. В начале октября 1918 года спартаковцы, ощутив нарастающее в обществе недовольство, провозгласили курс на революцию. К счастью для Запада, они были относительно маленькой группой, пользовавшейся небольшим, по сравнению с социал-демократами, влиянием в массах – несмотря на всемерную помощь из Советской России. Впрочем, Германия держала курс на революцию и без спартаковских призывов.

... Тем временем кризис в верхах продолжал нарастать. Ясно было, что война проиграна, причем проиграна позорно. Однако немцам было уже все равно – им нужен был мир, мир любой ценой! И 5 октября 1918 года пришедшее к власти правительство принца Макса Баденского попросило страны Антанты о перемирии. 11 ноября 1918 года в Компьенском лесу перемирие было подписано. Фактически Первая мировая война завершилась. Теперь оставалось завершить ее де-юре, то есть ограбить побежденных и закрепить результаты мирным договором.

Дележка пирога началась 18 января в Париже, на мирной конференции. Формально в ней участвовало 27 государств, но на самом деле все решали представители США, Англии, Франции и Италии. Представители этих государств создали даже особый «совет четырех», чтобы между собой обсуждать вопросы до вынесения их на конференцию. Они и были основными «творцами» послевоенного мироустройства.

Представителей России, одной из основных участниц войны, на конференцию попросту не пригласили, по причине заключенного большевистским правительством сепаратного мира. То, что три года она честно выполняла союзнические обязательства в ненужной ей войне, никого не интересовало.

Борьба интересов была нешуточной, и вокруг предполагаемого мирного договора разгорелся крупный торг. Самые жесткие требования выдвинула Франция, старинный соперник Германии на европейском полуострове Евразии: побежденные должны полностью возместить победителям ущерб, нанесенный войной. В этом случае сумма репараций составила бы 800 миллиардов золотых марок, из которых Франция должна была получить больше половины. Кроме собственно денег и утраченных в 1871 году Эльзаса с Лотарингией, французы требовали Саарский угольный бассейн и еще кое-что, по мелочам. То, что эти условия означали полное разорение Германии, их более чем устраивало, они того и хотели, они добивались для себя гегемонии в Европе. Однако могучая Франция без соперников не устраивала Англию и США, которые хотели сохранить хотя бы относительно сильную Германию как противовес, с одной стороны, Франции, а с другой – России. В общем, торг шел отчаянный, не интересовало участников лишь мнение самих немцев. Горе побежденным!

28 июня в Зеркальной галерее Большого Версальского дворца был подписан мирный договор. Германия лишилась всех заморских колоний и потеряла около восьмой части собственной территории. Франция вернула себе постоянно переходящие из рук в руки Эльзас и Лотарингию. Саарская область была объявлена территорией под управлением Лиги Наций, но то, чего Франция так упорно добивалась – угольные шахты, – она получила. Небольшие кусочки территории отошли Бельгии, Дании и Чехословакии. Независимость и часть спорных

земель получила только что появившаяся на карте Европы Польша, хотя и меньше, чем ей бы хотелось – впрочем, поляков, как известно, удовлетворить невозможно. Данциг был объявлен «вольным городом», Мемель (Клайпеда) отошел Литве. Левый берег Рейна, где немецкая территория граничила с Францией, Бельгией и Нидерландами, а также полоса шириной в 50 километров на правом берегу, были объявлены демилитаризованной зоной, где запрещалось строить военные сооружения и держать войска. Также должны были быть уничтожены все укрепления на германских границах. Сумма репараций к тому времени еще не была установлена, однако никто не сомневался, что она будет большой. Германия должна быть поставлена на колени не только политически, но и экономически, чтобы мысль о реванше даже и не возникала.

Однако отчаянное экономическое положение страны влекло за собой новую опасность. Правда, чтобы понять это, странам-победительницам понадобилось пять лет.

...Итак, 5 октября 1918 года пришедшее к власти правительство принца Макса Баденского попросило страны Антанты о перемирии. Однако долгожданное окончание войны уже не могло спасти положение. Поздно! Страна была пороховой бочкой, и оставалось лишь поднести спичку...

3 ноября в портовом городе Киле вспыхнуло восстание матросов, к которым тут же присоединились солдаты и рабочие. Первым делом восставшие взяли арсенал, и через несколько часов у них уже было 20 тысяч вооруженных бойцов. Они захватили город и, по русскому образцу, создали Совет. Пример оказался очень кстати: восстание тут же перекинулось на другие города и пошло гулять по стране. 5 ноября Совет появился в Гамбурге, 6-го – в Бремене, затем в Ганновере, Лейпциге, Штутгарте, Мюнхене... 9 ноября восстание добралось до Берлина. Рабочие и солдаты захватили рейхстаг, ратушу, вокзалы. Кайзер Вильгельм II отрекся от престола и бежал в Нидерланды, принц Макс Баденский ушел в отставку.

Так пала германская монархия.

9 ноября, при известии об отречении кайзера, социал-демократы собрались в здании рейхстага и стали думать, что им делать дальше. Среди их лидеров был некий Фридрих Эберт, шорник по профессии. Он сильно не любил революцию, ратовал за конституционную монархию английского типа и видел на престоле одного из сыновей кайзера.

В нескольких кварталах от них, в императорском дворце, заседали спартаковцы, которые собирались провозгласить Германию советской республикой. Когда об этом узнали в здании рейхстага, социал-демократы пришли в ужас. Еще один их лидер, Филипп Шейдеман, высунулся в окно и, обращаясь к собравшейся под окнами немаленькой толпе, в 14:00 объявил республику. В 16:00 в тот же день 9 ноября Карл Либкнехт провозгласил социалистическую республику.

Социалистической революции в Германии не получилось, поскольку рейхсканцлером ещё 9 ноября был назначен Эберт. К власти пришел так называемый Совет народных уполномоченных. Партий в Германии было много, но в Совете оказались представители только двух социал-демократических партий – СДПГ и «независимых», а во главе государства оказался Эберт. Социал-демократом он был правым, но возглавляемое им правительство все равно было левым, революционным, и как он примирял этот факт со своими монархическими симпатиями, знал только он один.

Впрочем, едва эсдеки получили власть, всю левизну с них как ветром сдуло. Знакомая картина – в России было точно то же самое. Впрочем, это неудивительно: правительство Эберта оказалось в положении, которому не позавидуешь. С одной стороны, надо было как-то завершать войну, договариваться с противником об условиях мира, который, как все понимали, будет очень тяжелым. С другой, перед глазами неотступно маячил призрак коммунистической революции, тем более что рядом была Советская Россия, откровенно рассматривавшая Германию как плацдарм для будущего мирового пожара. Рабочие требовали национализации заво-

дов, обыватели требовали порядка, военные страдали от поражения и мрачно хмурились из-под касок. И все без исключения хотели есть...

Балансируя между противоборствующими силами, правительство, с одной стороны, отменило осадное положение, объявило свободу слова, собраний, союзов, ввело 8-часовой рабочий день. С другой, предвидя неминуемые последствия дарованных народу свобод, дать которые, как видно было хотя бы из русского опыта – что бензинчику в костер плеснуть, оно начало искать, кто бы навел в стране порядок. Ну а кто может его навести? Уже 11 ноября Эберт обратился за помощью к Гинденбургу, исполнявшему в то время обязанности главнокомандующего вместо бежавшего кайзера, и Грёнеру, первому генерал-квартирмейстеру. Они договорились, что офицерский корпус поддержит правительство, если возникнет необходимость пустить в ход войска. А то, что такая необходимость возникнет, видно было невооруженным глазом, потому что активность масс, несмотря на победу революции, и не думала идти на спад.

Конец ноября. Бастуют рабочие Берлина, Верхней Силезии, Рурской области. Они требуют повышения зарплаты, что все равно от правительства не зависит, и социализации крупной промышленности, что от правительства зависит, но очень не хочется.

6 декабря. В ответ на забастовку, выполняя договоренность с правительством, офицеры предпринимают попытку разогнать Берлинский Совет. Социал-демократы, пожалуй что, и проглотили бы произвол, однако спартаковцы не дремлют. Они тут же поднимают рабочих, и из «замирения», кроме большой драки, ничего не получается.

16 декабря. В Берлине открывается съезд Советов. Помня, чем год назад закончилось подобное мероприятие в России, вся страна в напряжении. «Союз Спартака», само собой, тут же выкинул лозунг «Вся власть Советам», однако приличное социал-демократическое большинство съезда его не поддержало. В итоге принято решение о выборах в Национальное Учредительное собрание.

30 декабря. Ответный ход спартаковцев – они создают Коммунистическую партию Германии. Учитывая русский опыт, который всем известен, расстановка сил теперь предельно ясна. Члены новорожденной партии горят желанием поучаствовать в чем-нибудь эдаком, революционном, и случай не замедлил представиться.

Собственно, развлекаться начали еще спартаковцы. 23 декабря народная морская дивизия, находившаяся под их контролем, рассердилась по поводу невыплаты жалованья и подняла мятеж, который выразался в том, что они захватили комендатуру и побили коменданта Берлина Отто Вельса, будущего лидера СДПГ. Впрочем, как только требования «народных моряков» были удовлетворены, дивизия тут же вернулась в свои казармы на территории императорского дворца. Так что первый революционный блин вышел комом, зато второй привел к серьезному несварению желудка.

4 января. Уволен полицей-президент Берлина Эйхгорн, «независимый» социал-демократ, популярный среди рабочих. Народу это не понравилось, и на следующий день товарищи Эйхгорна по партии организовали ма-аленькую такую демонстрацию протеста, всего-то на 150 тысяч человек. Естественно, демонстрация увенчалась традиционными столкновениями между рабочими и полицией. «Независимые» создали Военно-революционный комитет – и тут к восстанию радостно примкнули коммунисты.

Первым делом они попытались перехватить руководство и приступить к революции, в то время как заварившие всю эту кашу «независимые», действуя по своему плану, начали переговоры с правительством – в общем, родственные партии явно друг друга не поняли. Пока прежние и новые руководители восстания разбирались между собой, Эберт оперативно передал власть ответственному за военные дела, социал-демократу Густаву Носке.

По крайней мере, этому человеку в решительности отказать было нельзя. Заявив: *«Кто-нибудь из нас должен же, наконец, взять на себя роль кровавой собаки»*¹ – он ввел в Берлин войска и к 15 января навел там относительный порядок. Под шумок, не затрудняя себя юридическими тонкостями, военные убили Карла Либкнехта в городском парке Тиргартен, а его соратницу Розу Люксембург застрелили на катере и сбросили труп в Ландвер-канал.

Дальше события развивались по двум параллельным сценариям. С одной стороны все было прилично-демократично: **19 января** прошли выборы в Национальное учредительное собрание, Центральный Совет рабочих и солдатских депутатов торжественно передал ему свои полномочия, Учредительное собрание избрало Эберта президентом республики, а новое коалиционное правительство возглавил Шейдеман.

Но у коммунистов-то были свои планы! Не обращая внимания на какие-то там выборы, они еще **10 января** подняли на восстание рабочих Бремена. Рабочие отряды выгнали из своей земли войска и провозгласили Бременскую советскую республику. Республика продержалась до 4 февраля, что, в общем-то, совсем неплохо.

А дальше пошел форменный кабак. Едва власти разобрались с Бременом, как в середине февраля началась всеобщая забастовка в Рурской области, перекинувшаяся на Среднюю Германию, Баварию и Вюртемберг. В начале марта снова поднялся Берлин: рабочие захватывали полицейские участки, начали строить баррикады. В город опять ввели войска и «замирили» восставших. Все вроде бы стало утихать – и тут вдруг советскую республику объявили в Баварии, причем на сей раз сделали это резко полевевшие «независимые». Управление смутой у них тут же перехватили коммунисты и стали «делать революцию»: ввели рабочий контроль, национализировали банки и железные дороги, начали формирование Красной Армии. Лишь 1 мая республику удалось ликвидировать, для чего потребовался воинский контингент в 100 тысяч человек.

На этом первая серия германской революции закончилась, если не считать того, что продолжались постоянные забастовки, но по сравнению с тем, что было – да и с тем, что будет, – это такие мелочи...

В общем, германскому правительству не позавидуешь...

...Пока власти разбирались с красными, появилась новая угроза, совсем с другой стороны. Военным ведь тоже не нравилось происходящее! Кроме оскорбленной национальной гордости, у них был и мощный интерес: условия подписанного летом 1919 года мирного договора резко ограничивали численность немецкой армии. В начале 1920-го, в соответствии с договором, правительство, во главе которого в то время стоял правый социал-демократ Густав Бауэр, приступило к ее сокращению. Военные, не питавшие ни малейшего уважения к демократии вообще и к социал-демократам в частности, тут же вскинулись на дыбы. Генерал Лютвиц, командующий Берлинским военным округом, предъявил правительству Бауэра ультиматум, потребовав прекратить сокращение армии и распустить Национальное собрание. Условия перемирия, говорите? Да в гробу они видели эти условия!

Получив отказ, Лютвиц не стал действовать парламентским путем, а повел одну из добровольческих бригад на Берлин. Правительство попыталось было вывести навстречу войска – однако в войсках генерала Лютвица уважали куда больше, чем какого-то там штафирку Бауэра, так что военные послали власти очень далеко и остались в казармах. 13 марта 1920 года мятежники беспрепятственно вступили в германскую столицу и тут же объявили о создании

¹ Кстати, «кровавая собака» – всего лишь название породы (бладхаунд). Правда, породы серьезной – бладхаундов употребляли для преследования преступников. В средневековой Англии они назывались «гроза бунтовщика», «усмиритель восставших»

нового правительства, во главе которого встал крупный помещик Капп. В то же время такой же путч произошел и в Мюнхене.

Правительству оставалось лишь бессильно ручками разводить, если бы не рабочие, которые решили, что с военной диктатурой им совершенно не по пути. Уже 13 марта в Берлине началась забастовка, которая, распространяясь по стране, тут же стала всеобщей. Оперативно сформированные отряды Красной гвардии разоружили армейские части и с оружием в руках выступили против путчистов, так что через четыре дня, 17 марта, те бежали из Берлина. В столице и особых боев-то не было.

Однако рабочим показалось обидно так скоро все закончить – ведь как хорошо началось! И все пошло по новой. Всеобщая забастовка в Руре переросла в вооруженное восстание. 19 марта рабочие захватили Эссен, где сформировали теперь уже не Красную гвардию, а Красную армию, численностью в 100 тысяч человек – ровно столько, сколько, по условиям перемирия, Германии позволялось иметь солдат в рейхсвере. И снова пришлось вводить войска.

...По правде сказать, это постоянное балансирование правительства между правыми и левыми изрядно всем надоело. В июне 1920 года состоялись выборы в рейхстаг, на которых большинство получили буржуазные партии, а главой правительства стал один из лидеров католической партии «Центра» Константин Ференбах. Однако легче все равно не стало, поскольку дело было отнюдь не в политике.

В марте 1921 года произошло обострение старого вялотекущего восстания в Средней Германии. Полиция и части рейхсвера были изгнаны оттуда еще год назад, во время капповского путча, и с тех пор ни старое, ни новое правительство так и не смогли вернуть их обратно. 18 марта обер-президент Саксонии Гёрзинг, правый социал-демократ, не придумал ничего лучше, чем приказать ввести наряды полиции на крупные предприятия. Рабочие, естественно, возмутились, и все пошло по знакомому пути: забастовка, вооруженные столкновения, Красная гвардия, войска...

В конце 1922 года к власти пришло еще одно правительство, во главе с Вильгельмом Куно. Экономика страны находилась на грани катастрофы, и новое правительство отказалось платить репарационные платежи. В ответ французы тут же оккупировали Рур, который давно хотели прибавить к уже захваченному Саару. Начиная с 1921 года они при каждом возникающем осложнении между Германией и союзниками угрожали оккупацией Рура, где было сосредоточено 90 % немецкой добычи угля и 70 % выплавки чугуна, – и вот, наконец, дождались момента. Однако толку от этого не вышло никакого и никому. Немецкое правительство призывало шахтеров не давать французам угля, так что уголек не получил никто². Более того, нерасчетливая алчность французов аукнулась так, что державы-победительницы притихли всерьез и надолго.

Лишенная топлива, экономика Германии вошла в тяжелейший кризис. По всей стране закрывались заводы, количество безработных выросло до 5 миллионов человек, инфляция приняла невероятные размеры. В августе 1923 года курс золотой марки составлял 1 млн, в сентябре – 23, 5 млн, в октябре – 6 млрд, а в ноябре – 522 млрд бумажных марок. Население голодало. Мясо, молоко, жиры для большинства немцев были давно уже недоступны, а теперь не хватало даже хлеба и картофеля. Землевладельцы отказывались продавать продукты, торговцы придерживали товары, еще больше провоцируя инфляцию. По всей стране начались голодные бунты. Рабочие и безработные сбивались в продотряды, которые откровенно грабили деревню, выкапывали на полях картофель и собирали зерно. В сентябре, когда урожай был

² С этой историей связан один любопытный момент. В ходе оккупации французы расстреляли некоего Шлагеттера, немецкого националиста, занимавшегося диверсиями против захватчиков. Впоследствии немецкий драматург Ханс Иост написал пьесу «Шлагеттер», которая была в Германии популярна примерно так же, как в Советском Союзе роман «Как закалялась сталь». Именно Шлагеттеру из пьесы принадлежит знаменитая фраза: «Когда я слышу слово «культура», я хватаюсь за пистолет».

собран, а энергия недовольства масс по-прежнему требовала выхода, начались забастовки. Как оно обычно бывает в подобных ситуациях, рабочие «полевели» – не зря же Ленин в качестве одного из условий революционной ситуации ставит возросшие нужду и бедствия трудящихся масс. Резко выросло влияние коммунистов.

И тут в действие вступила Советская Россия, которая никогда не упускала из виду обстановку в Германии. Точнее, не совсем Советская Россия, а гнездившаяся в Москве совершенно замечательная организация – Коммунистический интернационал, или, сокращенно, Коминтерн, сборище профессиональных поджигателей мирового пожара. Сбывались самые смелые мечты марксистских теоретиков – вот она, долгожданная немецкая революция! Надо лишь немножко помочь, подтолкнуть...

Кого только не было в августе – сентябре 1923 года в здании советского посольства (по тогдашней терминологии, полномочного представительства)! В Германию отправилась группа эмиссаров ЦК – Пятаков, Рудзутак, Радек, Крестинский – и военных, в числе которых были такие знаменитые «красные генералы», как Якир и Уборевич. Наконец, туда послали – и от них, пожалуй, оказалось больше всех толку – группу специалистов по тайным операциям. Это были люди чрезвычайно серьезные. Например, «главный диверсант Разведупра»³ Христофор Салнынь, который занимался созданием боевых отрядов компартии Германии и оборудованием тайных складов с оружием. Вольдемар Розе, известный под псевдонимом Скоблевский, стал организатором «немецкой ЧК» и «немецкой Красной армии». Вместе с Артуром Сташевским он разработал план проведения восстаний в промышленных центрах Германии. Семен Фирин, военный агент полпредства СССР, организовал на советские деньги закупку оружия, предназначенного якобы для Красной Армии, а на самом деле – для восставших.

Советские инструкторы располагались открыто, без всякой конспирации, в здании советского представительства в Берлине. Их группу называли «аппарат на Унтер-дер-Линден» или «группа Алоиза». (Под этим именем был известен в Германии еще один видный деятель Коминтерна и, по совместительству, советской разведки Стефан Жбиковский). Несмотря на разную ведомственную принадлежность, публика эта была почти сплошь коминтерновская. В то время вообще трудно было понять, кто к какому ведомству принадлежит: военная и политическая разведка имели общих резидентов и вовсю использовали иностранных коммунистов, так что опознавательный знак был один: наши – не наши...

Помещение полпредства больше всего напоминало Смольный в октябрьские дни. Приемные были полны народу, повсюду звучала русская и немецкая речь. В разных комнатах проходили какие-то таинственные совещания, туда-сюда бегали люди с разнообразными пакетами, свертками, гранками...

Планы у организаторов восстания были колоссальными. Волей судьбы в сентябрьские дни 1923 года в советское полпредство занесло нашего разведчика Бориса Лаго, которого посвятили в предполагаемый расклад дальнейших событий, о чем он позднее написал в мемуарах. «Не позже, как через месяц во всей Германии вспыхнет революция. Начнется она одновременно из Гамбурга и Дрездена. Сигналом послужит крупное вооруженное столкновение на улицах Берлина. Потом оно разольется по всей Германии. Есть полное основание думать, что Франция отправит свои войска для подавления революции. При первом же появлении хотя бы одного французского солдата в Германии – будут ли они отправлены по собственному почину Франции или же по приглашению одной из реакционных групп – Красная Армия, в частности, красная кавалерия, прорвется в Германию. Уже заключено соглашение с Литвой о пропуске советских войск. В случае, если Польша заколеблется, она будет раздавлена...» Ну, и так далее. Особенно умиляет это «Польша будет раздавлена» – ведь совсем недавно Красная Армия позорно проиграла польский поход.

³ Разведупр, или Разведывательное управление РККА – советская военная разведка.

В России тоже готовились. Троцкий отменил демобилизацию в РККА. Началась переброска конницы к польской границе. В Петроградский порт стягивали сухогрузы, загружая их продовольствием для германских товарищей, готовили эшелоны. По стране прошла мобилизация тех, кто свободно владел немецким языком. 4 октября 1923 года Политбюро утвердило дату начала вооруженного выступления: германская революция должна была стартовать 9 ноября.

Однако при проверке готовности оказалось, что все развивается совсем не по Марксу. Во-первых, страны Антанты каким-то образом оказались в курсе секретных планов большевиков (что совсем неудивительно, учитывая, что в том же советском полпредстве их выбалтывали первому встречному). Французы на Рейне и поляки на советской границе привели войска в боевую готовность. Впрочем, это едва ли остановило бы деятелей из Коминтерна – их вообще можно было остановить только пулей! – но тут выяснилось, что и в Германии воевать, собственно, некому и нечем. Оружия приобрели гораздо меньше, чем потратили денег, двенадцать готовых к выступлению дивизий, как оказалось, существовали только на бумаге – и прочая... Как водится, в последний момент предали социал-демократы, имевшие большой вес в рабочем движении, – по сути, рабочее движение накануне выступления раскололось, и не в пользу коммунистов. Узнав обо всем этом, советские руководители отменили восстание.

Однако входивший в ультралевую фракцию КППГ Эрнст Тельман не согласился с этим решением и поднял собственную революцию в Гамбурге. 22 октября забастовали рабочие верфей, к ним присоединились портовики, рабочие пакгаузов и угольных складов, начались массовые демонстрации безработных, погромы хлебных лавок, столкновения с полицией. В предместьях города появились баррикады. Однако изолированное восстание было изначально обречено на провал – и его быстро подавили.

Весь этот базар получил название «Германского Красного Октября».

Кстати, по мрачной иронии судьбы в день, назначенный Политбюро для начала германской революции, состоялся «пивной путч» Адольфа Гитлера и его наци. С теми же последствиями, что и восстание в Гамбурге.

А вот кто вынес из этих событий урок, так это страны-победители, едва не получившие на свою голову, в дополнение к России, еще одно коммунистическое государство в Европе. В свое время Англия и Франция чрезвычайно боялись союза Российской и Германской империй – монархических государств. А тут они едва не получили союз красной России и красной Германии – неуправляемый, непредсказуемый и непобедимый, да еще взявший на вооружение стратегию «революционной войны». Поняв, что могло произойти, страны-победительницы резко дали по тормозам и принялись всеми силами вытягивать Германию из кризиса. В августе 1924 года на Лондонской конференции был принят новый репарационный план, так называемый «план Дауэса». Францию все-таки заставили очистить Рурскую область, был определен щадящий порядок выплаты репараций. Начался приток иностранного капитала в германскую промышленность (в основном, американского), за ним последовала модернизация промышленности. В 1925 году появился химический гигант «И. Г. Фарбениндустри». В 1926 году был создан Стальной трест, который контролировал более 40 % производства железа и стали. Немцы ответили пониманием. В феврале 1924 года было отменено осадное положение и даже легализована запрещенная компартия. К власти пришла коалиция буржуазных партий, в которой ведущую роль играли католическая и Немецкая народная партии. Все вроде бы успокоилось.

В 1927–1928 годах Германия превзошла довоенный уровень промышленности и внешней торговли, обогнав Францию и Англию, а также заняла второе место в мире по вывозу машин. Подъем продолжался до 1929 года, когда западный мир охватил колоссальный экономический кризис, известный под названием «великой депрессии». Снова возросли «нужда и бедствия трудящихся масс», но теперь на волне недовольства к власти пришли уже не красные, а коричневые...

«Сфинкс» действует тайно

А теперь вернемся немного назад, в то горячее лето 1919 года, когда подписывался Версальский мир. Условия мирного договора, которые победители составили без ведома немцев и предъявили побежденным как ультиматум, были опубликованы в Берлине 7 мая и вызвали взрыв негодования. Уже 8 мая Эберт и члены его правительства назвали их «неосуществимыми и невыносимыми». Кроме жесточайших экономических требований, союзники настаивали на выдаче бывшего кайзера Вильгельма II и еще 800 человек, которых они объявили военными преступниками, и, что было важнее всего, полностью разоружали страну. Эти условия ставили Германию на колени не только на ближайшие, но и на будущие времена.

Союзники брали под контроль практически всю немецкую промышленность, наложив жесточайшие ограничения на производство вооружений. Германия лишалась права иметь танковые части, авиацию, некоторые виды артиллерии, подводный флот. Численность рейхсвера ограничивалась 100 тысячами человек, при этом воинская повинность отменялась, армия должна была комплектоваться по вольному найму. Запрещалось также проводить военную подготовку в учебных заведениях, спортивных и туристских организациях. Такая армия кое-как годилась только на то, чтобы поддерживать порядок внутри страны (и то весьма условно – вспомним, что в 1920 году численность «Красной армии» Рура тоже составляла 100 тысяч человек), ни о каком выходе за ее пределы с этими силами не могло быть и речи. И даже эта куцая армия была обезглавлена, ибо генеральный штаб тоже попал под запрет. Германия лишалась права иметь военные миссии и военных атташе в других государствах. Для традиционно воинственной страны это был не только жестокий удар, но и не менее жестокое унижение.

Союзники торопили. 16 июня они поставили немцам ультиматум: либо условия договора будут приняты к 24 июня, либо соглашение о перемирии теряет силу. Эберт обратился к Гинденбургу и Грёнеру: может ли немецкая армия противостоять нападению с Запада? Грёнер ответил: «Нет».

В день подписания Версальского договора исполнять обязанности начальника генштаба вплоть до «полной его ликвидации» было поручено генералу Гансу фон Секту. Это было серьезной ошибкой победителей, хотя и простительной – ну кто мог ожидать, что немолодой военный с не слишком-то блистательной карьерой окажется тем самым человеком «на нужном месте в нужное время».

В кругу знакомых и сослуживцев фон Сект имел прозвище «Сфинкс» – за замкнутый, холодный, расчетливый характер, сочетавшийся, однако, с изысканными манерами, тактом и высокой культурой. Потомственный военный, он родился в 1866 году в Шлезвиге, в семье генерала. В 19 лет поступил в 1-й гренадерский полк, которым командовал его отец. Однако дальше карьера не задалась. К 1914 году он был всего лишь подполковником, хотя и закончил Военную академию еще в 1896 году, и лишь в январе 1915 года был произведен в полковники. Служил начальником штаба сначала 4-й, потом 11-й армии, а затем – группы войск, действовавших против Сербии, Румынии и России. В августе 1916 года стал начальником штаба армейской группы при эрцгерцоге Австро-Венгрии. Наконец, с декабря 1917 года и до конца войны фон Сект был начальником генштаба турецкой армии, что дало ему необходимый опыт работы, в том числе и в критических условиях.

Однако у генерала было одно неопенимое достоинство – стойкость. Побежденный, он не предавался унынию. Он любил повторять своим коллегам: «Пути Господни неисповедимы. Даже проигранные войны могут привести к победе».

Назначенный начальником обреченной структуры, он пишет Гинденбургу, что будет сохранять «не форму, а дух Большого Генштаба», и 7 июля 1919 года становится начальником «Всеобщего военного бюро», под вывеской которого скрывался формально распушенный

генеральный штаб, имеющий почти столетнюю традицию мозг армии, залог ее будущей мощи. В марте 1920 года он был назначен главнокомандующим рейхсвера и оставался на этом посту до октября 1926 года.

Под руководством фон Секта предпринимались титанические усилия для спасения остатков подлежащей ликвидации военной машины. В первую очередь, он создал Имперский архив для изучения опыта войны, для построения новой военной теории и разработки современной военной доктрины. Глубоко не прав тот, кто пренебрегает теорией, Вторая мировая война доказала это со всей убедительностью!

Практика же заключалась в том, чтобы уберечь от зорких взоров победителей все, что только можно было уберечь. Прятали оружие. Как вспоминал один из офицеров, «под склады оружия использовались вентиляционные шахты административных зданий, дома высшего и низшего офицерства... Здания, бывшие собственностью армии, сдавались частным лицам и превращались в склады оружия. Была организована широко разветвленная разведка. В какой-нибудь тихой гавани крупные плоты нагружались винтовками под руководством военных в гражданской одежде...»

Правительство не могло и не хотело давать деньги на восстановление армии, однако некоторые средства все же удавалось изыскивать. Поскольку стотысячная армия не способна была справиться с мало-мальски серьезными беспорядками, командование военных округов получило деньги для найма штатских лиц, которые должны были составить «добровольческие формирования» для поддержания порядка. Эти формирования создавались из бывших фронтовиков и получили красноречивое название: «черный рейхсвер». Войска «черного рейхсвера» дислоцировались на польской границе и насчитывали около 20 тысяч человек. Курировали деятельность этой организации три молодых офицера, доверенные люди фон Секта, – капитаны Курт фон Шлейхер, Курт фон Хаммерштейн-Экворт и Ойген Отт. Запомним эти имена.

«Черный рейхсвер» не ограничился тем, что охранял порядок на границе. Вскоре у этой организации проявились типичные черты тайного общества. Она, например, возродила практику тайных судов. Версальский договор имел своих достаточно многочисленных сторонников на территории Германии – либералов, которые, в полном соответствии с предательской сущностью этой публики, работали на врага. Они внимательно следили за армией, выявляя нарушения условий мира, и либо сообщали о них контрольной комиссии союзников, либо публично выступали на митингах и в печати. Этим-то людям и выносили смертные приговоры тайные суды «черного рейхсвера». Достоверно неизвестно, повлияли суды на число доносов или нет, но, учитывая, что в характере господ либералов склонность к доносам сочетается с острым дефицитом личного мужества...

«Черный рейхсвер» закончил свое существование горячей осенью 1923 года. Видя, что творится в стране, они не выдержали и попытались перехватить инициативу. В планах заговорщиков было взятие Берлина и свержение ненавистного республиканского правительства, а пока что в ночь на 30 сентября войска «черного рейхсвера» захватили три форта восточнее Берлина.

Однако фон Сект решил иначе. Когда президент Эберт попытался выяснить, какую позицию во всеобщем хаосе этой осени занимает армия, командующий ответил предельно откровенно: «Армия поддерживает меня». «Сфинкс» не поддержал заговорщиков, силы регулярной армии окружили форты, и после двухдневного сопротивления те сдались. «Черный рейхсвер» был распущен. Впрочем, кадры его без дела не остались...

...Оказавшись во главе рейхсвера, фон Сект занялся созданием армии особого рода. Войско, комплектуемое по вольному найму – к этому принципу во второй половине XX века придут многие государства, – его вполне устраивало. Германская армия должна была состоять из небольших мобильных частей, где служат отборные, высококвалифицированные командиры. Когда ограничения будут сняты – а фон Сект ни на мгновение не усомнился в том, что рано

или поздно они будут сняты! – на этой основе можно будет в кратчайший срок сформировать и обучить настоящую, мощную и многочисленную армию. Кадры нового рейхсвера должны были составить офицеры-фронтовики, и штаб в первую очередь занялся их спасением и подготовкой.

По всей Германии, как грибы после дождя, вдруг в одночасье выросли всевозможные клубы – военные и спортивные, автолюбительские и авиационные. Там, под видом инструкторов, тренеров и судей, укрывались тысячи офицеров разбитой армии. От рейхсвера они получали материальную поддержку и оружие. В этих клубах молодежь под видом спортивной проходила допризывную подготовку, а сами инструктора при необходимости могли мгновенно стать в ряды армии, многократно усилив ее. (О масштабах предполагаемого усиления косвенно говорит существовавший в 1930 году секретный план «А», предусматривавший быстрое превращение семи пехотных дивизий официальной армии в двадцать одну).

Кроме того, по всей Германии, как бы сами собой, расплодились так называемые «добровольческие корпуса» («фрайкоры»), численность которых во много раз превосходила армию. Если «черный рейхсвер», был организацией полуофициальной, то фрайкоры представляли собой что-то вроде отрядов самообороны, ни под какие условия не подходили и никаким ограничениям не подлежали. Состоявшие в основном из бывших участников войны, а также молодых людей, не успевших на нее попасть, они служили не только подспорьем рейхсверу, но и неисчерпаемым резервуаром для поддерживавших рейхсвер политических партий.

Нет, Германия есть Германия – с кадрами для будущей армии там все всегда в порядке. Куда труднее оказалось с вооружением. О том, чтобы развивать военную промышленность на территории Германии, не приходилось и думать – контроль победителей был слишком пристальным и всеобъемлющим. Тогда немцы придумали обходной путь – они стали вывозить капитал в другие страны, создавать там военные заводы. Заключались соглашения с испанскими, японскими, шведскими, швейцарскими фирмами, которые должны были производить и поставлять автоматическое оружие. В Нидерландах разместили заказ на производство подводных лодок.

Но все это не решало проблемы. Танк без танкиста – кусок железа. Танки с танкистами без стратегии и тактики – железный скот на бойне. Нужны были школы, нужны были полигоны – обучать кадры, разрабатывать стратегию и тактику новых родов войск, испытывать новейшую технику. Разместить все это в маленьких, насквозь просматриваемых европейских странах нечего было и думать. Надо искать что-то другое. Нужен мощный, неподконтрольный Антанте и заинтересованный в сотрудничестве союзник. И такой союзник нашелся на удивление легко.

Досье: короли и тузы шпионской колоды.

Фигура умолчания – Оскар фон Нидермайер

Родился будущий «немецкий Лоуренс» в небольшом баварском городке Фрайзинге в семье архитектора, в 1885-м году. Дальше – типичный путь немецкого офицера, прямой, как ствол ружья. В 1912 году он командует взводом, одновременно изучая в Мюнхенском университете географию и геологию, – не правда ли, странное пристрастие для артиллериста? В то же время активно учит иностранные языки (в его досье значится, что он владел шестью языками). Очень скоро все объясняется – в 1912–1914 годах, еще будучи студентом, Нидермайер отправляется в «научную» экспедицию на Восток – в Иран, Аравию, Египет, Палестину, Сирию. Финансировала экспедицию Академия наук, а плодами ее пользовалось военное ведомство. Теперь стало ясно, к какой карьере готовил себя Оскар – это была карьера «человека в штатском».

В 1914 году Нидермайер появляется в Стамбуле, где к тому времени уже полно немцев. А в начале 1915 года под его руководством отправляется военно-дипломатическая миссия в Кабул. Отряд имел при себе двенадцать лошадей, нагруженных золотыми и серебряными

монетами, и щедрый запас оружия. Главной задачей его было склонить на сторону Германии афганского эмира Хабибуллу.

Миссия удалась частично. Война активизировала и без того активную бандитскую жизнь Востока. Отряд потерял на границе золото, а вместе с ним и рычаги влияния на Хабибуллу, и своего нейтралитета эмир так и не нарушил. Однако немцам все же удалось поднять против англичан пуштунские племена – они сковали до 80 тысяч британских солдат, так и не попавших на основные фронты мировой войны.

Окончив работу в Афганистане, глава миссии вернулся домой, где был принят кайзером Вильгельмом II, «кажется, чего-то удостоен, награжден и назван молодцом». И зачислен на работу в генеральный штаб. Потом было поражение в войне, ликвидация генштаба, сокращение армии. Однако Нидермайер удержался на плаву. В 1920 году он становится адъютантом тогдашнего министра обороны Отто Гесслера. Но его ждет и другая работа – не зря он тратил силы на изучение этого немыслимого русского языка. В Турции Нидермайер познакомился с генералом фон Сектом и даже одно время был его личным порученцем. И вот теперь он, по указанию генерала и как его доверенное лицо, вплотную занялся реализацией советско-германских договоренностей о сотрудничестве.

...Итак, летом 1921 года в советской миссии в Берлине появился новый сотрудник по фамилии Нейман. Чем он занимался, никто не знал, да и вообще мало кто знал о его существовании. Это никого не удивляло – уже тогда советские представительства за границей вовсю использовались в целях, никакого отношения к дипломатии не имеющих, и лучше было не задавать лишних вопросов по поводу людей, время от времени появляющихся в представительских коридорах. Вскоре Нейман отправляется в Москву, где, после недолгого отдыха, сразу попадает на прием не к кому-нибудь, а к самому народному комиссару по военным и морским делам, председателю РВС республики товарищу Троцкому.

В начале 1922 года Нейман снова наносит визит в Москву, потом еще и еще, в компании с самыми разными людьми, офицерами и штатскими специалистами. Он занимается размещением военных заказов, созданием военных школ, не брезгует и разведкой, достаточно успешно поставляя в Берлин информацию о положении в партии и стране, об РККА и нашей оборонной промышленности. Вскоре его назначают начальником службы генштаба по русским вопросам. Незаметный военный чиновник, всего-то в чине капитана, он держит в руках все нити сотрудничества двух государств-изгоев послевоенной Европы.

Кроме выполнения своих прямых обязанностей, Нидермайер поддерживает тесные связи и с советской разведкой. Настолько тесные, что кое-кто напрямую считает его советским агентом. Формирующаяся разведка РККА не пропускала ни одного человека из тех, что могли бы стать потенциальными источниками ценных сведений. Самым естественным образом попал в поле зрения этого ведомства и Оскар фон Нидермайер. Тем более, что вскоре по приезду в столицу он лично познакомился с Яном Карловичем Берзиным, руководителем Разведуправления Штаба РККА, как тогда называлась военная разведка.

Взаимоотношения спецслужб – отдельная и очень интересная тема. У них своя корпоративная солидарность, своя этика, свои интересы. Нидермайер охотно согласился сотрудничать с нашей разведкой, предложив снабжать Москву информацией – правда, не о работе «распущенного» германского генерального штаба и, тем более, абвера, а почему-то о политике Англии на Ближнем Востоке. Ну да ладно, Англия так Англия, и то хорошо... Позднее он повторил свое предложение уже лично Ворошилову.

Что-то у них тогда, по-видимому, не срослось, потому что в 1936 году, по приказу того же наркома Ворошилова, 4-е управление Генштаба (все та же военная разведка, просто название другое) дало задание советнику советского посольства в Германии Александру Гиршфельду... завербовать Нидермайера. Вербовка прошла просто на удивление гладко. Немец согласился информировать Москву, и даже презрительно отказался от предложенных ему 20 тысяч марок.

Он получил кличку «Нибелунген» и впоследствии исправно снабжал советских партнеров сведениями о настроениях в германских «верхах». Но с ростом русофобии в Германии от встреч стал уклоняться и вскоре совсем пропал из поля зрения нашей разведки до 1939 года, когда оказался в числе гостей на приеме в полпредстве СССР. Его снова попытались завербовать, однако на сей раз тщетно, «профессор Берлинского университета по военным наукам», как он значился в списке гостей, отделался парой вежливых фраз, однако ни на какие контакты не пошел. (Насчет профессора – это не камуфляж. Действительно, после отъезда из СССР Нидермайер занимается преподавательской деятельностью.)

Итак, от сотрудничества с нашей разведкой он не уклонялся, но и толку от него было мало. Зато мы то и дело натываемся на это имя в материалах судебных процессов и во множестве следственных дел того времени. Судя по ним, Нидермайер был одним из основных резидентов германской разведки в России.

О том, что именно прикрывало в этих делах обвинение в «шпионаже» – речь впереди. Но если уж говорить о разведке, то лучше фигуры и не найти. Оскар фон Нидермайер и вправду являлся немецким резидентом. И биография у него подходящая, и должность самая для разведработы удобная.

Так на кого на самом деле работал Нидермайер? Кто он был: немецкий Филби или немецкий Штирлиц? Или это был двойной агент, карта-перевертыш? Какие сведения давал нашим в 30-е годы этот высокопоставленный германец, опытный разведчик? Асы разведки нередко работают на нескольких хозяев или ведут собственную игру, цели и правила которой ведомы только им. Мы знаем, что в том же 1936 году, когда Нидермайера вербовал Гиршфельд, ему было предъявлено обвинение в измене, – но старый волк сумел выкрутиться. Известно, что в его поддержку выступили бывшие известные (а потому ныне опальные) русофилы фельдмаршал Бломберг и генерал фон Сект. Обвинения с него не сняли, однако... в 1939 году присвоили звание полковника.

Война сделала эту странную фигуру еще более странной. Для начала Нидермайеру предложили принять дивизию. Он отказался. В 1942 году последовало новое предложение – заняться обучением «добровольцев» из числа русских военнопленных, в основном уроженцев Кавказа и Средней Азии. Снова отказ. Потом ему предложили еще один пост, который при ближайшем рассмотрении оказался аналогичным – все те же «добровольцы». На этот раз полковник согласился. На фронт он, несмотря на состав своей дивизии, не попал, служил на Балканах, в Италии и Франции. Участвовал в заговоре против Гитлера, даже составил план использования своей дивизии в случае успеха. Заговор был разоблачен, однако генерал опять вышел сухим из воды. В Германии о заговоре написаны десятки книг, в большинстве которых фамилия Нидермайера даже не упоминается.

В конце 1944 года нацисты его наконец-то арестовали. 1945 год застал Нидермайера в тюрьме в Торгау. Когда в апреле городок был захвачен русскими и американцами одновременно (поскольку находился он на Эльбе) под шумок он сумел бежать. Однако на сей раз бывшему разведчику не повезло, убежал он недалеко и вскоре снова был арестован, теперь уже русскими. Наши спецслужбы не выпустили свою добычу. Особым совещанием при МГБ СССР Нидермайер был обвинен в шпионаже и 10 июля 1948 года осужден на 25 лет тюрьмы. В то время генералу было уже за 60 лет. Дождаться освобождения у него шансов не было. Впрочем, дожидаться он и не стал – умер через два месяца во Владимирской тюрьме.

Странно, что суд над Нидермайером состоялся через три года после ареста. Три года следствия. О чем его столько времени допрашивали? В чем он признавался, какие имена называл? Неизвестно... Оскар фон Нидермайер продолжает оставаться фигурой умолчания...

Таково одно из действующих лиц российско-германского сотрудничества, человек, который непосредственно занимался его осуществлением. Красноречивый персонаж, мягко

говоря... Нет, никто не ждет, что сотрудничество между государствами, любого рода, будет обходиться без внимания разведки. Но чтобы так весомо, грубо, зримо...

Глава 2. Союзники поневоле

Советская Россия тоже находилась в тяжелом положении. Из войны она вышла униженной и обескровленной. Она тоже была во внешнеполитической изоляции. Также подписала унизительный мир, по условиям которого были отторгнуты большие куски территории. Полный развал экономики, голод, одичавшее население. Да, мир достигнут – но никто не обольщался мнимым «миролюбием» европейских соседей. А Красная Армия в ту пору находилась в состоянии абсолютного развала, что вполне официально констатировала комиссия ЦК партии в 1924 году. Еще хуже обстояло дело с вооружением.

И тогда случилось то, к чему тщетно призывали многие дальновидные политики еще перед Первой мировой войной. Россия и Германия наконец-то повернулись друг к другу лицом.

Германофилы и «восточники» находят друг друга

Интересы двух стран великолепным образом дополняли друг друга. Германия сумела сохранить научный и промышленный потенциал, но была лишена возможности создавать, испытывать и производить современное вооружение. Советский Союз не имел по этой части никаких ограничений – кто бы попробовал! На русских просторах можно было не только испытывать все, что угодно, но и обеспечить секретность этих испытаний. Можно было разрабатывать и производить вооружение, никаких запретов – но «некем взять». Гражданская война выбила и вымела из страны ученых и промышленников. Перед тем, как что-то делать, надо было восстанавливать заводы и воссоздавать научные и технические школы. Военные секреты стран Антанты если и продавались, то стоили огромных денег, а у Германии не было иного выхода, кроме как довериться восточному соседу.

Более того, общие политические интересы подкреплялись еще и теорией. Творцы революции в России изначально, еще на основе Маркса, рассчитывали, что в Германии вот-вот произойдет революция, и строительство социализма будет совместным. Что к нам приедут высококвалифицированные немецкие специалисты, что будет идти активный обмен: отсюда – «ноу-хау» и готовая продукция, туда – сырье. Поэтому-то в работе Коминтерна придавалось огромное, ни с чем не сравнимое значение именно германскому направлению.

Порой эта роковая любовь оказывалась чревата крупными неприятностями. Именно с ней был связан разрыв дипломатических отношений между Россией и Германией – буквально за несколько дней до окончания войны. Отношения эти были установлены после подписания Брестского мира, в апреле 1918 года, и продержались всего полгода исключительно по причине резвости деятелей из Коминтерна. Советские представители, пользуясь дипломатическим иммунитетом, настолько активно занимались подготовкой революции в Германии, что в конце концов это надоело даже правительству Макса Баденского, у которого хватало других забот. 4 ноября 1918 года дипломатические отношения были разорваны, и 6 ноября советские представители покинули Берлин. Это стало одним из последних телодвижений агонизирующих кайзеровских властей – в Германии уже всю бушевала революция.

Однако революционные восстания 1918–1923 годов так и не закончились сменой власти. Приходилось налаживать отношения не с гипотетической Германской советской республикой, а с той Германией, которая имела в наличии. Равно как и Германии приходилось принимать ту Россию, какая была...

Прогерманская группировка существовала в России всегда (правда, почти никогда не определяла внешней политики). Несмотря на только что окончившуюся войну, несмотря на участие немцев в интервенции, и в Советской России находились влиятельные силы, заинте-

ресованные в сближении с Германией. Германофилы имелись и в партийной, и в военной верхушке.

Впервые о пользе сотрудничества Советской России и Германии заговорил еще в 1919 году Карл Радек, находившийся тогда в Берлине в качестве уполномоченного Коминтерна. Персонаж это был в высшей степени колоритный даже для тогдашней большевистской верхушки, где тусклых личностей попросту не водилось. Известный диссидент и историк Абдурахман Авторханов назвал этого уродливого, но невероятно обаятельного коротышку «гениальным авантюристом в большой политике». Он все время занимался какими-то темными делами, якшался со множеством таких же непонятных, как он сам, личностей во множестве стран, его постоянно подозревали в сотрудничестве со всеми разведками Вселенной, и тем не менее доверяли дела большой важности. И действительно, то, что он смог проделать в Берлине, не сделал бы никто другой.

Как уже говорилось, в декабре 1918 года в Берлине состоялся I Всегерманский съезд Советов. Исполком Берлинского Совета пригласил на него и советскую делегацию, однако правительство не разрешило ей въехать в страну – и неудивительно, ибо только-только были разорваны дипломатические отношения, аннулирован Брестский мир. Да и просто по жизни – только поджигателей «мирового пожара» из Коминтерна там в это время и не хватало! Тем не менее, один человек, под видом пленного австрийца, по подложным документам сумел добраться до Берлина. Это и был Карл Радек, уроженец Галиции, подданный Австро-Венгрии, член СДПГ и РСДРП(б) и один из большевистской верхушки.

Полтора месяца провел он в Германии с пользой и удовольствием, участвуя в организации КПГ и не пропустив, надо понимать, ни одной заварушки. 2 февраля его все-таки арестовали и препроводили в тюрьму Моабит.

А дальше начались странности. Как только в министерстве обороны Германии узнали об аресте Радека, условия его содержания были улучшены. По некоторым данным, его вообще изъяли из тюрьмы, поместив на комфортабельной квартире, куда к нему тут же зачастили гости – журналисты, промышленники, коммунисты, даже члены правительства. Были среди них и офицеры рейхсвера, в том числе достаточно высокопоставленные. Его явно рассматривали как представителя Советской России (за неимением официального полпреда), и все, у кого были дела и интересы в России, шли к Радеку. Но предоставим слово биографу Троцкого Исааку Дойчеру.

«Там, когда Берлин был во власти белого террора и его жизнь висела на волоске, он совершил чудеса политической виртуозности: он сумел установить контакты с ведущими германскими дипломатами, промышленниками и генералами; он их принимал в своей тюремной камере».

Оттуда же, из «камеры», советский представитель заодно помогал организовывать Коммунистическую партию Германии, с каковой миссией, собственно, и был послан.

...Итак, неофициальный представитель Советской России вступил в контакт с официальными лицами Германии, в том числе с военными. Так начались их переговоры – тоже сугубо неофициальные. Германскому правительству лучше было про них не знать, да и обе договаривающиеся стороны относились к веймарским деятелям с изрядной долей презрения. Большевики – как к соглашателям, немецкие генералы – как к предателям, и те и другие – как к социал-демократам. Парадоксальным образом, у прусских юнкеров было куда больше общего с российскими коммунистами, чем с собственными эсдеками.

Впрочем, один человек из немецкого правительства не просто знал про эти переговоры, но и стоял у истоков сотрудничества. С немецкой стороны партнером Радека был персонаж столь же колоритный – эти двое друг друга стоили...

В 1940 году известнейший германский геополитик и по совместительству военный разведчик, генерал-майор Карл Хаусхофер в своей книге «Континентальный блок: Центральная Европа – Евразия – Япония» написал:

«И когда после войны один из наших наиболее значительных и страстных политических умов, Брокдорф-Ранцау, захотел вновь ухватиться за нить контактов, и я был причастен к этому, то с русской стороны такую линию распознали две личности, с которыми мы и пытались готовить для нее почву».

«Личностями с русской стороны» были Карл Радек и нарком по иностранным делам Советской России Г. В. Чичерин. А с германской – первый министр иностранных дел Веймарской республики Ульрих Карл Христиан фон Брокдорф-Ранцау. Это был типичнейший представитель эпохи декаданса: дипломатия, «голубизна», алкоголизм, психические сдвиги и политический талант. Убежденный противник Версальского мира, Брокдорф-Ранцау подал в отставку за восемь дней до окончания мирной конференции, но свое дело на посту министра сделать успел, положив начало германо-советским контактам.

Вернувшись в Москву, Радек всячески развивал и пропагандировал идею сотрудничества России и Германии. Из правительства на его сторону стал наркоминдел Чичерин. Что касается военного ведомства, то там Радека поддерживали чрезвычайно серьезные люди: наркомвоен и председатель РВС Лев Троцкий, зам. председателя РВС Эфраим Склянский, начальник Управления Военно-Воздушных Сил РККА Аркадий Розенгольц, составлявшие прогерманскую группировку в советских верхах. Они – в равной мере – питали старую слабость к Германии как «поджигатели мирового пожара» и видели немалые выгоды от сотрудничества с рейхсвером как военные.

С другой, германской, стороны тоже существовали разные группировки. Одну из них, «западническую», возглавлял бывший в годы Первой мировой войны начальником штаба Восточного фронта генерал Макс Гофман. Впрочем, большей частью в число «западников» входили не военные, а промышленники – военным любить Запад было не за что.

Что же касается «восточников» – то нельзя сказать, чтобы они любили Россию, но считали союз с ней более выгодным, чем прогиб в западном направлении. Уж на что не любил большевиков фон Сект, но и тот был сторонником сближения, более того, самым твердым и решительным его сторонником. 4 февраля 1920 года в статье «Германия и Россия» он заявляет: «Только в твердой связке с Великороссией Германия сохраняет шансы на восстановление своего положения великой державы... Англия и Франция боятся союза обеих континентальных держав и пытаются предотвратить его всеми средствами, таким образом, мы должны стремиться к нему всеми силами... Наша политика как по отношению к царской России, так и по отношению к государству во главе с Колчаком и Деникиным была бы неизменной. Теперь придется мириться с Советской Россией – иного выхода у нас нет». А в июле 1920 года он писал: «Если Германия примет сторону России, то она сама станет непобедимой, ибо остальные державы будут вынуждены тогда считаться с Германией, потому что они не смогут не принимать в расчет Россию. Сотрудничество с Россией позволит Германии осуществить “подрыв” Версальского мирного договора». Золотые слова. Находясь в союзе, эти две державы были бы непобедимы. Вот только с союзом им в XX веке роковым образом не везло...

По большому счету Сект не был ни «восточником», ни «западником». Его интересовала Германия, и только Германия, а в самой Германии – армия, и только армия, и в этом свете он и рассматривал все происходящее. «Я отклоняю поддержку Польши, – писал он в январе 1920 года, – даже в случае опасности ее поглощения Россией. Наоборот, я рассчитываю на это, и если мы в настоящее время не можем помочь России в восстановлении ее старых имперских границ, то мы не должны ей, во всяком случае, мешать... Сказанное относится также к Литве и Латвии. Если же большевизм не откажется от мировой революции, то ему следует дать отпор на наших собственных границах... Мы готовы в собственных интересах, которые в

данном случае совпадают с интересами Антанты, создать вал против большевизма. Для этого она должна предоставить нам необходимое оружие». То есть, как видим, интересы фон Секта были в укреплении армии и получении оружия, все остальное рассматривалось им исключительно в этом ракурсе.

Он был категорически против совместного с Антантой выступления против Советской России. Сект не питал относительно западных союзников никаких иллюзий: идеальным для них было бы вновь стравить Германию с Россией и отсидеться в сторонке. Относительно Польши его позиция тоже была однозначной. Он прекрасно понимал цель восстановления независимости этой страны, обладающей совершенно потрясающим умением плодить вокруг себя врагов. Впрочем, чтобы понять, чем руководствовались победители, большого ума было не нужно: Польша должна разделять Россию и Германию, создавая угрозу для обоих государств, мешая их союзу, нейтрализуя большевиков и отвлекая внимание немцев от Запада, в первую очередь от Франции. «Ни один немец не должен пошевелить и рукой ради спасения от большевизма Польши, этого смертельного врага Германии, творения и союзника Франции, разрушителя немецкой культуры, и если бы черт побрал Польшу, нам бы следовало ему помочь», – пишет фон Сект.

Договоренность о новом разделе Польши существовала уже в 1920 году: предвидя победу в польской кампании, советское правительство через своего представителя в Берлине сообщило немцам, что готово признать границы 1914 года – то есть в случае победы вернуть Германии отошедшие к Польше в результате войны территории. Взамен Берлин обещал помогать Красной Армии вооружением, а при необходимости и организацией восстаний в польском тылу. Переговоры шли серьезные – кто же знал, что Тухачевский провалит столь победоносно начатую кампанию...

...Как же развивались эти негласные, но весьма активные контакты? Из своей тюремной камеры Радек поддерживал устойчивую связь с Москвой, и предложения о сотрудничестве были переданы достаточно оперативно. Кроме того, в Германии с середины 1919 года находился Виктор Копп, бывший меньшевик, близкий друг и соратник Троцкого. Формально он прибыл в Берлин для работы в миссии по делам военнопленных, а фактически являлся представителем Советской России, с которым, за неимением дипломатических отношений, и обсуждались негласно все дела. Он и начал предварительные переговоры.

Однако Копп был не настолько уполномоченным лицом, чтобы договариваться самостоятельно, а необходимость согласовывать каждый шаг с Москвой делало механизм переговоров громоздким и неповоротливым. 24 октября 1919 года Чичерин пишет Ленину: «Пусть эти люди приедут сюда для выработки деталей». Хорошо бы, конечно, но на территории России все еще продолжается война. Если германские эмиссары попадут в руки белых, это еще победы, а если к их иностранным союзникам? Тогда советский наркоминдел предлагает перелет на аэроплане. И в том же октябре в Москву отправляется старый друг фон Секта, бывший военный министр Турции Энвер-паша, который с конца войны жил в Берлине.

Однако миссия Энвера-паши завершилась провалом. Случилось худшее, что могло случиться: самолет потерпел аварию возле Ковно (Каунаса), занятого англичанами, и пассажиры попали к ним в руки. У пилота было обнаружено письмо руководства фирмы «Юнкерс» с предложением о строительстве в России авиационного завода – впрочем, ничего криминального в этом не было, «Юнкере» мог строить, где хочет. А вот другая бумага оказалась куда серьезнее – карта, подготовленная в штабе рейхсвера, на которой было нанесено расположение войск Антанты на фронте против большевиков.

Трудно сказать, как Энвер-паша выпутался из этого сложного положения, но до Москвы он все же добрался, хотя и почти год спустя. В советскую столицу он прибыл 11 августа 1920 года. В письме Секту от 26 августа он сообщил, что в советских верхах существует влиятельная

группировка вокруг наркомвоенмора Троцкого, которая выступает за сотрудничество с Германией и готова признать немецкую восточную границу 1914 года.

Но к тому времени в Москву уже вернулся Радек, выпущенный из тюрьмы в январе 1920-го. В Берлине он времени даром не терял, и весной процесс сдвинулся с места, хотя и чрезвычайно медленно. Переговоры шли через Коппа. 15 апреля советский представитель встречается с заведующим восточным отделом МИД Германии фон Мальцаном и, помимо прочего, обсуждает вопрос о налаживании контактов между РККА и рейхсвером. В июле он, уже более предметно, беседует на эту тему с Сектом, который, очень кстати, 5 июня 1920 года становится командующим рейхсвером.

А в ноябре 1920 года о необходимости русско-германского сотрудничества уже открытым текстом заявляет Радек, добавляя: «вне зависимости от того, как будут развиваться события – на контрреволюционных или на революционных рельсах». Вот вам и пример реального соотношения идеалов и интересов! Потому большевики и удержали власть, что, как только доходило до дела, классовый подход тут же заменялся здравым смыслом.

Первые контакты

Поначалу стороны внимательно изучают друг друга – дело рискованное, впопыхах такое не делается. Слишком уж большим скандалом стало бы нарушение Версальского договора сразу же после его подписания. Большевикам, впрочем, бояться было нечего, они выиграли Гражданскую войну, выкинув со своей территории войска тогдашнего «мирового сообщества», и теперь откровенно и цинично плевали на любые международные условности. Однако для Германии последствия могли быть непредсказуемыми. Так что приходилось балансировать на лезвии бритвы: шаг влево, шаг вправо – грандиозный международный скандал. Сближаются медленно и осторожно.

Итак, в июле 1920 года Копп встречается с фон Сектом для предварительного разговора. Начало положено успешное. Теперь договаривающимся сторонам надо бы познакомиться поближе – рейхсвер, он и есть рейхсвер, а вот что такое Красная Армия, немцам было совершенно непонятно. Но как это сделать? В России идет война, причем в ней самым активным образом участвует Польша – общий враг, разделяющий потенциальных союзников. Но ведь существует еще кусок Германии, оторванный от основной ее территории и находящийся в непосредственной близости к России – Восточная Пруссия! И тогда 7 августа министерство иностранных дел Германии поручает майору Вильгельму Шуберту, который до 1914 года был военным представителем кайзеровской Германии в Москве и Петрограде, «установить контакт из Восточной Пруссии с русской армией и поддерживать его».

Красная Армия Шуберту понравилась. Даже позорный проигрыш польской кампании не изменил его резюме – он считал, что причиной поражения красных под Варшавой была не слабость советских войск, а, скорее, слишком быстрый темп продвижения армии, вину за который он возложил на молодого и тщеславного командующего Тухачевского, как оно на самом деле и было.

...Польская кампания провалилась, горько разочаровав немцев, мечтавших о победе над Польшей, военном союзе с Советской Россией – а там, может быть, даже совместном выступлении против Франции. Но после поражения, а особенно после подписания унижительного для России мира акценты сместились: на первый план вышла идея военно-промышленного сотрудничества, призванного обмануть Версальский договор. 7 апреля 1921 года Копп докладывает Троцкому о существовании в немецком военном командовании группы Секта, которая размышляет над переводом части немецкой военной промышленности в Россию.

Немцы выделяли три сферы, в которых были особенно заинтересованы: ВВС, подводный флот, производство вооружений. Один из членов группы Секта, Оскар фон Нидермайер, дол-

жен был приехать в Москву, чтобы составить себе полное представление о российской тяжелой промышленности. Нидермайер и Копп вместе посетили ряд немецких предприятий, предлагавшихся для сотрудничества, а летом Нидермайер под псевдонимом «Нейман» отправился в Россию, где побывал на петроградских верфях и других предприятиях оборонной промышленности. По правде сказать, впечатление от посещения наших заводов он вынес мрачное. Но выбора все равно не было.

В конце сентября в Берлине, на квартире офицера подпольного генштаба Курта фон Шлейхера, доверенного человека Секта и будущего рейхсканцлера Германии, начинаются тайные переговоры. С советской стороны их ведут представители наркомата внешней торговли и все тот же Копп, с немецкой – спецгруппа Секта в составе полковника Хассе, Нидермайера, майоров Чунке и Шуберта. Сам Сект пока остается в тени. Почти три месяца неуполномоченные стороны пережевывают мелкие вопросы, пока 7 декабря не встречаются боссы: Сект и полпред Николай Крестинский.

Теперь советская сторона спешит, и тому есть серьезные причины. С осени идет разговор о созыве большой международной экономической конференции, где европейские державы намерены обсудить все взаимные претензии и заключить, наконец, всеобщий мир. Страны Антанты все настойчивее требуют от Советской России признания царских долгов, обещая взамен то помощь голодающим Поволжья, то долю репараций с Германии. И было бы очень неплохо к началу конференции иметь парочку хороших советско-германских соглашений – европейские демократии сразу стали бы сговорчивее. Да и во время конференции под шумок можно пообщаться с немцами, не привлекая излишнего внимания.

17 января 1922 года в Берлин приезжает Радек, вместе с которым из России возвращается Нидермайер. 25 января начинаются переговоры. Кроме политических и экономических вопросов, на них обсуждаются и вопросы военного сотрудничества. Радек общается сначала с майором Фишером, а 10 февраля состоится встреча с самим Сектом. Тут уже разговор идет прямую.

Полковник Отто Хассе так пишет об этой встрече в своем дневнике: «Сект описывает его (Радека. – Авт.) как очень умного и хитрого еврея, который хочет поднять русскую военную промышленность с немецкой помощью. Он также хочет организовать консультации генеральных штабов по возможному военно-стратегическому положению и передачу немецких уставов и другой военной литературы для обучения русского офицерского корпуса». Совершенно точная характеристика – именно этого Радек и добивался.

После этих встреч дело пошло на лад. Практически сразу же полковник Хассе получил 150 миллионов бумажных марок (около 3 миллионов золотом) на начало работ. Тогда же в игру вступили предприятия «Юнкерса». Знаменитая фирма выразила готовность делать по 100 самолетов и 260 моторов в месяц. 19 апреля 1922 года был подписан договор концессии, осенью заключены еще три договора, согласно которым «Юнкерс» будет производить самолеты на бывшем заводе «Руссо-Балт». Наш старый знакомый, майор Вильгельм Шуберт, на время оставив армию, переходит на работу в фирму. Он и принимает первое предприятие немецкой послевоенной оборонной промышленности.

10 апреля 1922 года открылась Генуэзская конференция, а буквально за считанные дни до нее в Берлине состоялись еще одни переговоры. Они меньше касались военного сотрудничества, а больше политики. 16 апреля, вызвав у представителей других держав ощутимый холодок между лопаток, Россия и Германия подписали в Рапалло советско-германский договор, по которому между ними восстанавливались дипломатические отношения. Россия отказывалась от репараций, а Германия снимала все претензии, касавшиеся национализированной немецкой собственности. В договоре была статья об экономическом сотрудничестве, где, правда, не говорилось ни слова о военном и военно-промышленном союзе – но ведь об этом можно и в другой раз поговорить! Действительно, 29 июля 1922 года в Берлине был подписан предва-

рительный договор о военно-техническом сотрудничестве. Уже осенью первые немецкие офицеры приехали в Советскую Россию, а советские – в Германию.

Немецкие правительства менялись, как в калейдоскопе, и у каждого была своя внешняя политика. Зато Сект был неизменен, как сфинкс у пирамиды. Кончилось дело тем, что военные обеих стран общались друг с другом, вообще минуя министерство иностранных дел – напрямую, через так называемую «Зондергруппу Р», или «Вогру».

«Зондергруппа Р» появилась в военном министерстве Германии еще в начале 1921 года, по личному указанию Секта. Инициатором ее создания был Шлейхер, а Нидермайер стал ее первым уполномоченным в России. В русской терминологии это подразделение называлось «Вогру», или «военная группа». Она-то непосредственно и занималась организацией военного сотрудничества, и Сект отнюдь не горел желанием посвящать в эти дела постоянно меняющиеся разномастные правительства. Отчасти поэтому (но лишь отчасти!) «Зондергруппа Р» входила в состав разведотдела, самой засекреченной структуры немецкого штаба. Об основной причине, по которой «Вогру» была включена в состав разведотдела, говорит имя одного из тех, кто входил в ее руководство. Это был легендарный Вальтер Николаи, начальник контрразведки кайзеровской армии и специалист по России. Военное сотрудничество было наштаповано разведчиками – впрочем, с обеих сторон...

Но министерство обороны не могло напрямую заниматься промышленными делами. И тогда в 1923 году оно основало промежуточную структуру – так называемое «Общество содействия промышленным предприятиям», или «ГЕФУ». Под прикрытием этого расплывчатого названия пряталась организация, назначением которой были финансирование и координация работы совместных германо-советских предприятий на территории СССР (естественно, гражданские предприятия ее не интересовали). Общество было попросту «крышей», под которой германские военные прятали дела, несовместимые с условиями Версальского договора. Руководителем «ГЕФУ» стал еще один член спецгруппы Секта, майор германского генштаба Чунке. Кстати, на время работы в Москве он был формально уволен с военной службы – для конспирации. Такая в то время была практика. Никого эти хитрости, конечно, обмануть не могли – однако формально все было чисто, не придерешься.

Тогда же и Нидермайер получил повышение, став начальником службы генштаба по русским вопросам. Он информировал Секта и начальника генштаба Хассе о ходе работ, поддерживал контакты с советскими организациями и высокопоставленными деятелями не только армии и промышленности, но и политиками, и чекистами. Именно в его руках сосредоточились все нити сотрудничества и... еще некоторые ниточки.

Однако один Оскар не мог заменить всего аппарата военного атташе. А таковых Германии, по условиям все того же Версальского договора, иметь не полагалось. И тогда в Москве появилась еще одна контора. Называлась она постоянной комиссией по контролю за хозяйственной деятельностью немецких концессий в СССР. А на самом деле это было тайное представительство немецкого генерального штаба. В секретных документах оно именовалось «Центр-Москва» («Ц-МО»). Под пару ей в германском генштабе был создан отдел «Ц-Б» («Центр-Берлин»). «Ц-МО» возглавил полковник Лит-Томсен, а его заместителем и фактическим руководителем стал все тот же Оскар фон Нидермайер. В 1927 году Лит-Томсена отозвали в Германию, и Нидермайер остался во главе общества до 1931 года. Общество должно было не только курировать все вопросы советско-германского военного сотрудничества, но и информировать генштаб по всем доступным ему военным вопросам. В просторечии этот вид деятельности называется разведкой.

Досье: короли и тузы шпионской колоды.

Вальтер Николаи, знаменитый и загадочный

Об этом выдающемся персонаже мировой шпионской сцены в шпионоведении сложились не менее невероятные мифы и легенды, чем о Мата Хари, Лоуренсе Аравийском или Рихарде Зорге. В частности, на Западе многие считают его едва ли не основным агентом-информатором и агентом влияния ГРУ в 20–30-е годы, а часть наших историков – человеком, который привел Ленина к власти. Все эти мифы так же далеки от реальности, как байки о всесии Гришки Распутина или о сталинской паранойе. История Николаи куда менее романтическая и куда более загадочна, чем любые сказки о нем.

Вальтер Николаи родился в 1873 году в Брауншвейге, в семье офицера. Он происходил из той самой прусской военщины, которая являлась основой, консолидирующим ядром начала сотрудничества рейхсвера с РККА, а затем антигитлеровского заговора. Когда Николаи было четыре года, отец его умер, так и не сумев оправиться от тяжелого ранения, полученного в ходе франко-прусской войны. Недолго проучившись в гимназии, Вальтер в 1887 году поступил в кадетский корпус, после окончания которого, в 1893 году, в звании лейтенанта был определен в 82-й прусский пехотный полк. В 1901 году лейтенант Николаи поступил в прусскую кайзеровскую Военную академию, где изучал английский, французский, а также русский языки. Во время учебы он показал отличные способности, прилежание и аккуратность и после ее окончания в 1904 году был направлен на работу в Большой Генеральный штаб, в подраздел «З-Б» (агентурную разведку).

Там его поначалу решили использовать для работы в Японии. В течение двух лет Николаи изучал японский язык, однако после окончания русско-японской войны эта тема стала неактуальной для немецкого командования. Тогда его переориентировали на работу против России. С 1906 по 1910 год он служит в Кенигсберге, руководит немецким разведывательным бюро, работавшим в приграничных районах Российской империи. С 1910 по 1912 год капитан Николаи проходит обязательный для немецких офицеров «строевой ценз» – командует ротой в 71-м пехотном полку. К моменту окончания «строевой службы» Николаи, начальник подразделения «З-Б», майор Вильгельм Хайе тоже вынужден уйти командовать солдатами, и рекомендует его вместо себя на должность начальника агентурной разведки. Таким образом, в 1912 году Николаи, вскоре получивший звание майора, становится во главе немецкой военной разведки. Впрочем, не стоит переоценивать сей карьерный успех – в то время организация эта была весьма слабая и малобюджетная. До тех пор, пока за нее не взялся Николаи.

Прежде всего новый начальник активизирует работу против Франции – едет туда сам, организует новые резидентуры в Эльзасе и Лотарингии. Начальник оперативного отдела Большого Генерального штаба Эрих фон Людендорф также ценит деятельность «невидимого фронта», и при его поддержке Николаи добивается новых ассигнований на разведывательную службу.

С началом Первой мировой войны генеральный штаб делится на две части. Сам Николаи и большая часть его сотрудников из подразделения «З-Б» в составе генерального штаба полевой армии находятся в Ставке. А в Берлине остается замещающий генеральный штаб, и в его составе – тыловой филиал подразделения «З-Б». Но Николаи этого мало. В структуре замещающего генерального штаба есть управление военной прессы. По рекомендации Николаи его руководителем ставят майора Дейтельмозера. Теперь это управление фактически находится в подчинении военной разведки и постепенно, помимо отслеживания газетных публикаций, превращается в орган политической разведки и контроля внутри страны.

В декабре 1914 года начальником генерального штаба полевой армии становится генерал Эрих фон Фалькенгайн, бывший военный министр Германии. Этот человек оказал огромное влияние на Николаи, был его, если можно так сказать, идеологическим кумиром. Генерал Фалькенгайн, как и сам Николаи, очень быстро пришел к выводу, что главная причина неудач и поражений Германии в войне заключается в несогласованности и отсутствии взаимопонимания между военным и политическим руководством. А еще он убедился, что в стране суще-

ствует, особенно в аристократических слоях общества, мощное профранцузское и проанглийское лобби, стремящееся направить Германию против ее естественного союзника на Востоке и договориться с западными плутократами.

Из этих наблюдений Фалькенгайн сделал два вывода, которые разделял и Николай. Во-первых, необходимо сосредоточить в одних руках все военно-политическое руководство Германии. Но не так, как это впоследствии реализовал Гитлер, а с точностью до наоборот – в виде тотального военного руководства. И во-вторых, – главный враг Германии находится на Западе, и только разгромив его, можно добиться величия Германской империи. В то время как Россию ни в коем случае нельзя трогать, ибо это чревато для Германии огромными неприятностями и бедами.

В то же время Николай продолжает упорно работать на своем посту. В 1915 году он фактически перестраивает всю немецкую разведывательную и контрразведывательную службу, заново создает периферийный оперативный аппарат, резидентуры связи, представительства при фронтовых штабах. В этом же году, в мае, подотдел «З-Б», по приказу Фалькенгайна, становится самостоятельным отделом. Ему также поручается и руководство прессой, – а учитывая метаморфозу управления военной прессой, теперь Николай руководит и политическим сыском внутри страны, став одной из влиятельнейших (хотя и негласных) фигур германской армии. А за месяц до того в генштабе создается политический отдел.

Все это говорит о том, что Фалькенгайн явно стремится расширить влияние армии внутри страны, чтобы в перспективе стать во главе системы тотального военного руководства. Однако ему не везет: в 1916 году, после провала под Верденом, Фалькенгайна снимают с поста начальника штаба и отправляют в Турцию, где под его руководством оказываются Сект, Нидермайер и многие другие будущие активные сторонники и участники тайного немецко-российского военного сотрудничества. Так что подлинным идеологом альянса РККА и рейхсвера можно считать генерала Эриха фон Фалькенгайна.

На смену Фалькенгайну приходят генерал Гинденбург и его «мозг» Людендорф. Впрочем, на карьере Вальтера Николаи эта замена никак не отразилась. Гинденбург не обращал на него внимания, а Людендорф ему покровительствовал, как и до войны. (Их дружба сохранится вплоть до самой смерти генерала.) Николай продолжает заниматься своим прямым делом – организацией и укреплением резидентур немецкой разведки. В течение войны его можно увидеть в Вене, Стокгольме, Осло, Будапеште, Софии, Стамбуле, Варшаве, Вильно... Особенно тесные контакты у него складываются с руководителем турецкой разведки подполковником Сейфи-беем, а также с военным министром Турции Энвер-пашой, который, с другой стороны, является личным другом Секта. Все они связаны, все – одна компания...

Жестоким ударом для Николаи явилась ноябрьская революция 1918 года, которая застала и его самого, и его службу врасплох. После поражения Германия лишается своей разведки. Николай находится не у дел. С марта 1919 по февраль 1920 года он служит в 71-м пехотном полку, а в феврале 1920 года уходит в отставку с почетным присвоением звания полковника, чтобы уже в 1921 году объявиться в «Зондергруппе Р» военного министерства.

Разведчики «бывшими» не бывают, – но чем занимался Вальтер Николаи потом, так до сих пор толком и не известно. После недолгой службы в «Зондергруппе Р» полковник исчезает из поля зрения. Но на протяжении 20-х, 30-х и 40-х годов каждые три-четыре года его имя появляется на страницах газет. То пишут, что он по-прежнему возглавляет немецкую разведку – абвер. То утверждают, что он стоит во главе разведки нацистской партии и является «серым кардиналом» Гитлера. То объявляют его советским шпионом. То возводят в ранг руководителя института по изучению «еврейской проблемы».

Достоверно из этого нагромождения сплетен, слухов и фантазий можно вычленил следующие серьезные моменты. В 1925 году Николай занимается реорганизацией турецкой разведслужбы. Затем его имя всплывает во время загадочной попытки государственного перево-

рота, якобы имевшей место летом 1926 года. Об этих событиях толком ничего не известно: существовала ли эта попытка вообще, стоял ли за ней генерал фон Сект, и не связана ли его отставка с этим мнимым или настоящим заговором – можно только гадать. Однако факт, что в мае 1926 года полиция дважды производила обыск в берлинской квартире полковника Николаи, а полиция – это уже не журналисты, которые могут выдумать все, что угодно, тут нужны хотя бы какие-то основания. А в 1928 году берлинские газеты со ссылкой на министерство иностранных дел Великобритании сообщают, что Николаи тайно посещает Москву... Он никогда не занимал не только видных, но даже сколько-нибудь заметных постов ни в Веймарской республике, ни в Третьем рейхе. Его многочисленные просьбы о возвращении на работу в разведку оставались без удовлетворения. То, что Николаи являлся руководителем института по изучению «еврейского вопроса» – чистой воды блеф. Он действительно какое-то время работал, уже после прихода Гитлера к власти, в военном институте, занимаясь изучением опыта Первой мировой войны, однако отнюдь не на руководящей должности. Чем он занимался все остальное время – совершенно неизвестно...

Казалось бы, чем мог быть интересен пожилой отставной разведчик? Тем не менее, сразу после окончания Второй мировой войны советская спецгруппа находит Николаи (судя по всему, наша разведка уже давно за ним следила) и вывозит его в Москву. Здесь на протяжении нескольких лет, вплоть до самой смерти, его постоянно допрашивают, меняя режим содержания. Его держат то в тюрьме, то на «спецобъекте» (служебная дача), то есть применяют методы «кнута и пряника». Чего добивались чекисты от Николаи? И умер ли он своей смертью, как это записано в его деле? Сомнения в этом, пусть и косвенные, но есть. Напомним, что точно такой же конец был и у другого нашего героя, также вывезенного из Германии и умершего во Владимире, – Нидермайера.

И наконец, еще одно обстоятельство: в 1943 году Гитлер отдал приказ о проведении расследования деятельности Николаи. Именно в этом году гестапо впервые вышло на некоторых немецких заговорщиков, арестовало их и начало расследование. Не был ли «знаменитый и загадочный» в их числе?

Глава 3. «В глухом Липецке, в Казани и под Симбирском...»

Среди множества мифов о том времени есть и такой: в 20–30-е годы Советский Союз обучал у себя немецких офицеров, тех самых, которые потом гнали наши доблестные армии до самой Москвы. В качестве примера приводят даже немецкого «танкового гения» Гудериана и некоторых других крупных немецких военачальников. Короче говоря, «фашистский меч ковался в СССР». При этом творцы данной легенды даже не дают себе труда подумать: а чему и у кого могли немецкие танкисты и летчики обучаться в СССР, где в то время не было ни танковых войск, ни авиации?

Но это, действительно, было так. Немецкие летчики обучались в СССР, немецкие танкисты – тоже. Позже они составили костяк авиации и танковых частей Третьего рейха. Немецкие химики работали в советских лабораториях. Это было так, и это было не так. Потому что и танковая, и авиационная школы, и химические лаборатории были немецкими.

Учитывая крайнюю разруху в советской промышленности и крайнюю нищету германского военного бюджета, сотрудничество не могло быть широкомасштабным. Поэтому из многих возможных направлений выбрали несколько наиважнейших, без которых построение современной армии было немыслимо.

Подробно, со множеством приведенных цифр и имен, этот аспект рассмотрен в монографии С. А. Горлова «Совершенно секретно: Москва – Берлин. Военно-политические отношения между СССР и Германией», к которой автор и отсылает всех желающих подробно ознакомиться с темой. А здесь – очень кратко...

На двух стульях

Если попытаться одним словом определить основную движущую силу политической жизни послевоенной Европы, то это будет слово «страх». Маленькие европейские государства боялись того неведомого, что появилось на одной шестой части суши за восточной границей цивилизованной Европы. Сколько Европа себя помнила, она имела дело с неагрессивной Россией – кроме некоторых счетов с Польшей, с которой счета имелись у всех. Русский медведь был в ошейнике и наморднике, его можно было потрогать за нос и даже шлепнуть по задку, и он ничего, не обижался. Но нынешняя Россия оказалась совсем другой – агрессивной и непредсказуемой. Правившее ею безумное правительство готово было нести дальше, по всему миру, свои безумные идеи, и лишь разруха и развал всего, что только можно, сдерживали его. И Европа вдруг стала какой-то маленькой, игрушечной рядом с тем, что дышало за линией восточной границы.

Страх увеличивался по мере продвижения на восток. Если Великобритания, окопавшаяся на своих островах, могла позволить себе пускаться на опасные провокации в отношении СССР, то германское правительство очень боялось вызвать недовольство русских и, с другой стороны, не менее боялось вызвать недовольство держав-победительниц. А хуже всего приходилось полякам, жителям государства, само появление на свет которого было вызвано необходимостью создать буфер между Россией и «цивилизованной» Европой. Будущее этого государства, зажатого между Россией и Германией, у каждой из которых имелись к нему исторические счета и территориальные претензии, было предельно ясно: при первом же удобном случае соседи договорятся и снова разделят его. Как оно в итоге и случилось.

Германия тоже была буфером – между Россией и Европой. По крайней мере, и Англия, и Франция хотели видеть ее в этом качестве. Достаточно хорошо контролируя государственную жизнь побежденной страны, они, казалось бы, могли не опасаться, что та договорится с Россией. Однако даже они не учли возможность сепаратной договоренности между советским

правительством и германской военной верхушкой, которой большевики были все-таки ближе, чем опереточное республиканское правительство. Поэтому-то Европа и содрогнулась, когда был подписан договор в Рапалло.

Но все это были еще цветочки. События 1923 года, «германский красный октябрь» показал, что опасность грозит и с другой стороны. Если бы карты в ту осень легли чуть-чуть иначе, если бы Германия стала советской, то о французской гегемонии, английской гегемонии и любой другой гегемонии, кроме коммунистической, европейский континент мог бы забыть. Именно после 1923 года страны-победительницы как-то вдруг помягчели. Выплата репараций была отложена, Германия получила займы. С другой стороны, началась и политическая работа, с тем, чтобы вернуть Германию в лоно Европы. И постепенно побежденная страна стала разворачиваться к западу. Вступил в действие американский «план Дауэса» по оздоровлению немецкой экономики, и одновременно союзники заговорили о вступлении Германии в Лигу Наций.

Лига Наций была организацией откровенно антисоветской, собственно, она и существовала-то во многом, чтобы противостоять советской угрозе, и нашему правительству эти инициативы очень не понравились. Министром иностранных дел Германии в то время был «западник» Штресеман, но даже он, при всем своем тяготении к Западу, отлично понимал, что альянс надо заключать осторожно: в случае войны Европы с Советами первый удар достанется Германии с ее сотысячным войском. И Штресеман отчаянно старается усидеть на двух стульях. Разворачивая страну к западу, он одновременно пытается всячески уверить СССР в самых наилучших намерениях, вплоть до того, что Германия-де, будучи в составе Лиги Наций, сможет быть полезной и России, поскольку будет иметь возможность наложить вето на любые антисоветские инициативы.

В октябре 1925 года начала работу международная конференция в Локарно, посвященная очередным планам послевоенного устройства Европы. Россия снова была тут ни при чем. А самая отчаянная торговля развернулась вокруг обязательств Германии участвовать в общих санкциях против «агрессора» – под которым подразумевался ясно кто. Штресеман изо всех сил пытается отвертеться, объясняя, что «русские войска могут наводнить Германию, и большевизм может распространиться вплоть до Эльбы». Армии-то у немцев по-прежнему нет...

Впрочем, попытка усидеть на двух стульях до поры до времени была удачной. Продолжая заигрывать с Западом, в то же время Германия в 1926 году подписала Берлинский договор с СССР, продолжение рапальского. Чтобы продемонстрировать лояльность страшному соседу, ее правительство пошло даже на такой довольно унижительный шаг, как помилование и обмен Скоблевского.

Это был еще один типичный персонаж эпохи. Вольдемар Розе, известный в Германии под псевдонимом «Скоблевский», во время событий 1923 года был организатором «немецкой ЧК» и «немецкой Красной армии». Он разрабатывал планы проведения восстаний в промышленных центрах Германии, занимался и непосредственно политическими убийствами. (Кстати, в числе прочих терактов «германская ЧК» планировала убийство фон Секта – Коминтерн в очередной раз, как обычно, плевал на государственные интересы.) Скоблевскому не повезло, он был арестован и 22 апреля 1926 года приговорен к смертной казни. Затем этот приговор был заменен пожизненным заключением.

Впрочем, советские власти ничем не смущались, и ответ последовал незамедлительно. По обвинению в шпионаже чекисты арестовали четверых немецких студентов. В июне, спустя всего два месяца после суда над Скоблевским, их также приговорили к смертной казни. Русские нимало не скрывали, что между германским и советским процессами существует причинно-следственная связь. А затем, тем же летом 1926 года, для устранения «политических инцидентов», мешающих нормализации отношений между государствами, и так далее... с советской стороны последовало предложение: обменять Скоблевского и еще троих, осужденных в Германии за шпионаж в пользу СССР, на 14 немцев, арестованных в Союзе по поли-

тическим обвинениям, в том числе и пресловутых студентов. Несмотря на противодействие военного министерства Германии, воспринявшего как оскорбление помилование такого человека, как Скоблевский, договоренность была достигнута. А что еще, спрашивается, немцам оставалось?

В такой вот милой обстановке и разворачивалось советско-германское военное сотрудничество.

«Юнкерс» меж двух жерновов

Бизнесмен, играющий в азартные игры с государством, всегда рискует. А если не с одним, а с двумя государствами? А если одно из этих государств – Советская Россия образца 20-х годов?

...Начиналась эта история еще в 1922 году, когда в Германии все, от министров до домохозяек, люто ненавидели победителей, а германские военные были полны радужных мечтаний: за несколько лет с помощью СССР накопить достаточный военный потенциал и взять реванш. Ну... если не поставить на колени Францию, то хотя бы расправиться с Польшей – именно аннексия Силезии и «польский коридор» к Балтийскому морю были наиболее унижительны для немецкого духа. Можно было ударить, вместе с Советской Россией, с двух сторон и разом за все сквитаться. Но для возмездия нужно было иметь достаточно оружия. И «ГЕФУ», реализуя эти идеи, начало искать фирмы, заинтересованные в подписании концессий.

«Юнкерс» был одной из первых фирм, предложивших свои услуги большевикам. Еще Энвер-паша в 1919 году вез в СССР ее предложения о строительстве в России авиационного завода. И вот, наконец, 26 ноября 1922 года свершилось! В этот день были подписаны три концессионных договора: о производстве самолетов и моторов к ним, об организации транзитного воздушного сообщения из Швеции в Персию и об аэрофотосъемке в РСФСР. Лучше б германцы этого не делали, право слово!

«Юнкерс» получил в аренду завод «Руссо-Балт» в Филях. Проектная мощность, на которую завод должен был выйти к февралю 1925 года, – 300 самолетов и 450 моторов в год. Фирма должна была перевести в Россию 60 % своего производства. Достаточно быстро был налажен технологический процесс и обучен персонал. И тут начались заморочки.

Дело в том, что три стороны сделки – «Вогру»⁴, «Юнкерс» и РВС – имели совершенно разные интересы. «Вогру» видела в концессии в первую очередь военно-политическую сделку, демонстрировавшую добрые намерения, а экономическая сторона дела ее не интересовала вообще. Какая генеральному штабу разница, сколько «Юнкерс» получит прибыли? У советской стороны тоже были собственные интересы, но процветание фирмы «Юнкерс» среди них не значилось. Так что фирма не знала, во что ввязалась.

Завод «Руссо-Балт», как и остальные предприятия Страны Советов, находился в ужасающем состоянии, с кадрами тоже были проблемы. Тем не менее, советская сторона настаивала на скорейшем запуске завода на полную мощность, вместе с тем взяв на себя обязательства покупать лишь 20 % производимых там самолетов: мол, большего не позволяет бюджет. А куда девать остальные? И зачем, раз нет гарантированного сбыта, гнать лошадей?

Но это было только начало, потому что вскоре «Юнкерсу» подложила хорошую свинью родная «Вогру». На средства некоего созданного в Германии «Рурского фонда» она закупила в Нидерландах сто самолетов «Фоккер». Наши сразу же насторожились: что же это получается – продукция «Юнкерса» зависает, а немцы покупают «Фоккеры»? Выходит, что голландские самолеты лучше? И уже 20 декабря 1923 года наши, в свою очередь, заказали «Фоккеру» 200

⁴ Напоминаем, что так в русской транскрипции называлась «Зондергруппа Р», входившая в состав разведотдела немецкого генштаба.

самолетов. Теперь уже обиделись немцы: значит, деньги у русских все-таки есть? И не стали выводить завод на запланированную мощность.

Практически сразу «Вогру» подставила партнера еще раз. В ноябре 1923 года военное министерство Германии заказало «Юнкерсу» 100 самолетов, а весной наполовину сократило заказ. Но самолеты-то уже изготовлены! Куда их прикажете девать? Вдобавок ко всему нэп в СССР и инфляция в Германии съели всю намечавшуюся прибыль – на что русские заявили, что самолеты были проданы по заранее оговоренной цене, и нечего тут... Они продолжали настаивать на таких ценах, которые немцы ну никак не могли принять, потому что им пришлось бы делать самолеты себе в убыток. В результате даже обещанный заранее заказ так и не был дан.

Советская сторона была недовольна партнером и еще по одной причине – голландские-то самолеты все-таки оказались лучше. Кредит, который ранее обещала фирме «Вогру», так и не был предоставлен, обещания об участии государства в деле тоже оказались пустым звуком. Международная обстановка изменилась, воевать оказалось вроде бы и не с кем, а по условиям Версальского договора Германия вообще не имела права содержать военную авиацию. В общем, совместные действия двух государств поставили «Юнкерс» на грань банкротства. В 1924 году он начал свертывать производство в Филях и к 1925 году прекратил его.

Оказавшись перед угрозой разорения, фирма обратилась к правительству, которое приняло ее «санацию», в результате чего 60 % акций завода в Филях в конечном итоге перешли к «Зондергруппе Р». После долгой возни вокруг всего этого дела в 1927 году договор был окончательно расторгнут.

Трудно сказать, насколько вся эта неразбериха была обусловлена экономикой, а насколько спровоцирована. Внешнеполитический курс германского государства менялся, как шляпки у модницы, о бессовестности капиталистов уже тогда книги писали, а бессовестность в экономических делах советского правительства, особенно в отношении западных концессионеров, превосходила все мыслимые и немыслимые пределы. Так что многим отважным западникам, решившимся взять в концессию что-либо на советской территории, приходилось сталкиваться с сюрпризами, о которых они и помыслить не могли.

Эксперимент с сотрудничеством в области производства самолетов принято считать неудачным. При этом забывают об одной «мелочи» – завод-то остался Советской России. С современным оборудованием, обученным персоналом, технологическими процессами и «ноу-хау». Что, собственно, и являлось целью военно-промышленного сотрудничества, как заметил еще Сект в разговоре с Радеком.

Еще пикантней была история с производством отравляющих веществ. Достаточно начать с того, что в 1907 году Гаагской конвенцией было запрещено применение химического оружия. Однако не успела начаться Первая мировая война, как запрет был нарушен, и отравляющие вещества стали применяться на фронте. Сначала его нарушила Германия, и первыми жертвами стали русские солдаты. Потом нарушила Россия – против немецких солдат. Что не помешало пятнадцать лет спустя Советской России любезно предоставить Германии все возможности для разработки и испытания отравляющих и удушающих веществ.

Уже в 1923 году, с самого основания «ГЕФУ», одним из партнеров этого общества выступает наше предприятие «Метакхим». В сентябре этого года обе конторы организывают совместное общество «Берсоль», цель которого совершенно белая и пушистая – производство удобрений. Но интереснейший человек возглавлял правление сей крайне полезной для сельского хозяйства фирмы! Это был некто Стефан Иосифович Мрочковский.

В официальной биографии он значится русским – но позвольте не поверить, что человек с такими фамилией и именем, да еще родившийся в украинском городе Елисаветграде, был русским – очень уж тут вылезают польские корни. Выходец из рабочей семьи, он окончил юридический факультет, владел тремя основными европейскими языками, не считая родных – сколько их там было? Воевал в Гражданскую, потом работал агитатором-пропагандистом,

сотрудником органов народного образования. Затем вдруг стал председателем правления означенных обществ. Но самое интересное начинается дальше – с 1927 года он возглавляет фирму «Востваг», одно из коммерческих предприятий советской военной разведки. И такой человек занимался в СССР производством удобрений?

Сельское хозяйство, конечно, использовалось тут чисто для прикрытия. На самом деле речь шла о совместном производстве отравляющих газов. Фосген, иприт, горчичный газ – а может быть, даже наверное, «сумрачный германский гений» придумает и что-нибудь новенькое по этой части.

14 мая 1923 года в Москве был подписан договор о строительстве химического завода по производству отравляющих веществ. Немцы ассигновали на его создание 35 млн марок. Немецким партнером стал химик Хуго Штольценберг, один из крупнейших в Германии специалистов по ОВ, который к тому времени уже построил завод в Гамбурге. По договору, Штольценберг должен был модернизировать химический завод в поселке Иващенко, что под Самарой. Предполагаемая производительность (не считая удобрений) – 60 тысяч пудов фосгена и 75 тысяч пудов иприта в год, а также жидкий хлор. Параллельно Штольценберг должен был построить такой же завод в Германии. Затем начались те же развлечения. Когда в 1925 году монтаж оборудования был завершен, советская сторона начала выставлять претензии. Суть их сводилась к тому, что производительность у завода мала, безопасность производства низкая, оборудование никуда не годится, персонал подготовлен слабо. Немцы возражали, наши настаивали. Дело в том, что советские представители очень хотели попасть в Гамбург – там находился немецкий аналог завода в Иващенко, – для сравнения двух производств. По-видимому, это и было целью всего базара. Однако в Гамбург их так и не пустили – надо понимать, что советское и немецкое производства все-таки отличались. История с «Юнкерсом» к тому времени была уже широко известна, и немецкие химики не имели ни малейшего желания дарить Советам оборудованный по последнему слову техники химический завод. И кто их за это упрекнет?

Военно-промышленное сотрудничество в других областях было еще менее успешным. Тем более что к тому времени экономическая политика внутри СССР изменилась, началось планомерное вытеснение концессионеров из советской экономики, причем совершенно охотничьими методами. Одна из любимых фишек здесь была профсоюзная. Сначала заключался договор на длительный срок, а потом «внезапно» советский персонал начинал бастовать, требуя повышения зарплаты в несколько раз. В итоге договор расторгался, а оборудование концессионеров и обученный персонал оставались советской экономике в качестве трофея.

Попытка иметь дело с СССР кончилась для Штольценберга плохо. Увязнув в бесконечных разборках как с советским правительством, так и с родным военным министерством, он обратился в арбитраж. Обращение к правосудию оказалось неудачным: в 1926 году он был признан банкротом и лишился не только завода в Иващенко, но и предприятий в Гамбурге и Испании.

Несколько более успешным было сотрудничество по линии закупок вооружения за рубежом. Для этой цели еще в 1922 году, при непосредственном участии военной разведки и лично самого Дзержинского, было создано специальное акционерное торговое общество «Востваг»⁵. Подлинными задачами «Воствага» являлись ведение военно-экономической и технологической разведки за рубежом, а также содействие развитию оборонной промышленности СССР и оснащению РККА современной военной техникой путем свободной коммерческой деятельности – проще говоря, занималось это общество закупками военных материалов, оружия и стратегического сырья, а также элементарным шпионажем. Которым, впрочем, занимались в то время все советские торговые представительства.

⁵ Некоторые сведения о нем содержатся в диссертации В. В. Захарова «Политика советского государства по отношению к Германии в военной области и ее влияние на обороноспособность СССР».

Главная зарубежная контора общества находилась сначала в Берлине, а затем была перенесена в Париж, где действовала под прикрытием торговой фирмы «Спакомер». Филиалы его имелись также в Нью-Йорке, Улан-Баторе, Кантоне, Тяньцзине и других городах. Рядовые сотрудники «Воствага» не знали о подлинной и главной цели фирмы, в которой они работали – для прикрытия туда приглашались на работу только лица, имеющие у местной полиции репутацию благонамеренных, позднее – даже члены нацистской партии.

В 1927 году к работе «Воствага» был подключен Наркомторг СССР, и общество уже всерьез занялось торговлей оружием. В том же 1927 году его руководителем стал все тот же «производитель удобрений» Стефан Мрочковский. А с 1928 года он руководит уже целой сетью коммерческих предприятий советской военной разведки за рубежом, в которую в качестве одного из звеньев входит эта фирма. Целевым распределением средств занимался сам Ворошилов, и средства были внушительными. К концу 1933 года капитал «Воствага» составлял 3 миллиона 100 тысяч долларов США, из них в Германии – 500 тысяч.

Более полезным (точнее, взаимопользным) было сотрудничество России и Германии в чисто военных областях. Тут и обоюдная нужда была больше, и поле для жульничества меньше.

Неотдельный «Вифуласт»

...Рассказывают, что липецкий аэродром родился следующим образом. В сентябре 1919 года над городом пролетели четыре самолета. Тяжелые четырехмоторные бомбардировщики «Илья Муромец», загнанные в уездный Липецк тактической необходимостью, не найдя лучшего места, приземлились на старом ипподроме неподалеку от вокзала. Самолеты вскоре улетели, а ипподром с тех пор получил громкое название аэродрома. Собственным аэродромом в то время не то что уездный – не всякий губернский город мог похвастаться. Так было положено начало развитию авиации в Липецке.

Возможно, громкая слава «города с аэродромом» послужила причиной тому, что в 1923 году здесь была создана Высшая школа красных военных летчиков. Просуществовала она всего год, а затем ее расформировали «из-за недостаточной материально-технической базы». На самом-то деле ее закрыли не поэтому. Тихий провинциальный город, откуда, точно по Гоголю, «три дня скачи – ни до какой границы не доскачешься», в самом центре России, с удобным континентальным климатом, был избран для выполнения особой задачи.

В Липецке разместился 4-й учебный неотдельный отряд, предназначенный для выполнения «особых заданий по подготовке летных советских и иностранных кадров». Слова «неотдельный» и «иностранцы» служили маскировкой. На самом деле отряд был особым и секретным, а иностранцами – не разноплеменные коминтерновцы, как логично было бы подумать, а немцы, и только немцы. В соответствии с секретным соглашением, подписанным в Москве 15 апреля 1925 года между управлением военно-воздушных сил РККА и «особой группой» рейхсвера, Липецк стал базой немецкой военно-воздушной концессии. У нас, как уже было сказано, школа называлась 4-м учебным неотдельным отрядом. В Берлине ее называли научно-испытательной станцией «Вифуласт». Между собой стороны говорили: «Объект «Липецк»».

Школа была частью единого плана подготовки немецких летчиков, разработанного в Берлине. Первоначальное обучение проводилось в гражданских и спортивных школах в Германии. Однако главное, что им надо было дать – военная летная подготовка – в Германии было пока недостижимо. Для этого-то и предназначалась школа в Липецке.

По соглашению от 15 апреля 1925 года немцев в школе работало всего семеро: руководитель, летчик-инструктор, четыре мастера и завскладом.

Русского персонала – человек двадцать, в основном обслуга – механики, сварщик, кузнец и пр. Все они говорили и понимали по-немецки. На каждом курсе должны были обучаться 6–7 человек. Насколько большое значение придавали немцы липецкой школе, говорит ее бюджет:

всего на подготовку летчиков рейхсвер выделял 10 млн. марок, из них 2 млн. шли на липецкую школу.

Первые самолеты прибыли в конце 1925 года. Везли их из Штеттина в Ленинград морем. Это был единственный возможный путь – напрямую, из страны в страну. Везти самолеты сухим путем было нельзя. Русско-германской границы тогда не существовало, она появилась только в 1939 году. А если бы чужие таможенники обнаружили грузы, скандал был бы грандиозный, нарушение Версальского договора грозило очень крупными неприятностями.

Летчики, направляемые на обучение, прибывали в Россию, как спустя двенадцать лет советские военные в Испанию – в штатском, под вымышленными именами. Цели поездок назывались самые разные, но всегда мирные. Более того, все прибывающие на время «командировки» исключались из списков армии и восстанавливались в ней только по возвращении. Конспирация была успешной. Еще в начале 1927 года руководитель ведомства войск Георг Ветцель, упоминая в письме о липецкой школе, называл ее «неизвестным объектом сотрудничества». Вот как засекретились – даже от своих высоких чинов! Если во время обучения кто-либо из курсантов погибал, тело отправляли все через тот же Ленинградский порт – в контейнере с надписью «Детали машин». Родственники так и не узнавали, где и при каких обстоятельствах это случилось.

Руководителем школы с момента ее основания был майор Вальтер Штар. Что любопытно: согласно сведениям агентов ОГПУ, которыми, естественно, школа была буквально наводнена, Штар терпеть не мог советскую власть и вообще не переваривал русских. Так же были настроены и другие работники школы-полигона, ибо липецкий объект выполнял двойные функции. В первую очередь здесь обучались будущие асы немецких ВВС. Вторая функция была не менее важной – школа стала испытательным полигоном рейхсвера.

В Липецк было доставлено около восьмидесяти самолетов. 59 голландских «Фоккеров» (Д-ХШ), семь немецких «Хейнкелей» (ХД-40, 17), шесть «Альбатросов» (Л-76), три «Юнкерса» (А-20/35, Ф-13, К-47), один «Дорнье Меркур», один «Ромбах Роланд» и аэросани. Самолеты были по тем временам самые современные. Истребители «Фоккер» – одна из лучших моделей. (Позже, в 1930 году, они были признаны лучшими истребителями мира. Кстати, второе место тогда занял «Юнкерс» К-47.) Немецкие авиаконструкторы Гуго Юнкерс и Клауде Дорнье уверенно повышали бомбовую нагрузку своих самолетов. Эрнст Хейнкель создавал скоростные машины. Но для всех этих замечательных замыслов петлей на шее был Версальский договор, а отдушиной – липецкая станция. Там испытывались новые самолеты, чтобы к тому моменту, когда Германия сможет сбросить с себя ограничения Версальского договора, все было готово для серийного производства новых моделей. Здесь также испытывалось оружие: воздушные пулеметы «Максим», патроны, авиабомбы, стрелковое оружие, отрабатывалась тактика бомбометания и воздушного боя.

Именно здесь, в Липецке, проходил испытания «Юнкерс» К-47. Вначале этот самолет был разработан как истребитель. Затем, впервые в истории военной авиации, на нем установили спаренные пулеметы с вращающимся лафетом. Вскоре решили попытаться использовать истребитель для бомбометания, и в результате появился новый тип самолета – пикирующий бомбардировщик. После, в 30-х годах, на базе К-47 был разработан знаменитый Ю-87 – самый популярный пикировщик Третьего рейха, отличавшийся исключительной точностью бомбометания.

Если сравнивать немецкие самолеты 1918 года с самолетами кануна Второй мировой войны, то результаты выглядят следующим образом. Скорость истребителя возросла в три раза (с 200 до 600 км/час). Потолок высоты с 6 тысяч до 11 тысяч метров. Вооруженность увеличилась в три раза. Скорость бомбардировщиков возросла со 150 км/час почти втрое. Потолок – с 3 тысяч до 9 тысяч метров, бомбовая нагрузка – в 2,5 раза, количество пулеметов – с двух до восьми. Можно смело сказать: не было бы липецкой станции, не было бы и таких успехов.

На окраине города, как раз там, где теперь Липецкий аэропорт, находился испытательный полигон. Ни о каких испытаниях бомб в Германии, которая просматривалась и прослушивалась насквозь, не могло быть и речи. А здесь можно взрывать все что угодно – кто проверит? Именно в Липецке разрабатывалось появившееся в 1934 году первое секретное наставление германских ВВС по основам бомбометания. Потом результаты липецких полигонных экспериментов почувствовали на себе и советские города...

Обучение слушателей школы не было длительным. Оно состояло из четырех курсов по две-три недели каждый. Летная подготовка, основы ведения воздушного боя, учебные стрельбы, прицельное бомбометание. Летчики-бомбардировщики, летчики-истребители, специалисты воздушной разведки. Немцы имели право беспрепятственно летать над нашей территорией, куда хотели. Они этим своим правом всю пользовались, добираясь до самой Казани и еще дальше. Большой был смысл после засекречивать топографические карты!

Липецкая школа просуществовала восемь лет. За это время, по разным данным, в ней было подготовлено от 300 до 700 летчиков, не считая наземного персонала. Вроде бы немного, но выпускники школы составили костяк люфтваффе Третьего рейха.

Чем расплачивались с нами немцы за предоставленные возможности? В Липецке обучались и наши летчики. Так, к концу 1926 года там прошли подготовку 16 военлетов и 45 авиамехаников. В конце декабря 1926 года заместитель председателя РВС Иосиф Уншлихт писал Сталину:

«По отзывам наших компетентных товарищей, школа своей работой дает нам:

1) капитальное оборудование культурного авиагородка;

2) возможность в 1927 г. поставить совместную работу со строевыми частями;

3) кадр хороших специалистов, механиков и рабочих;

4) учит новейшим тактическим приемам различных видов авиации;

5) испытанием вооружения самолетов, фото, радио и др. вспомогательных служб дает возможность путем участия наших представителей быть в курсе новейших технических усовершенствований;

6) дает возможность подготовить наш летный состав к полетам на истребителях;

7) и, наконец, дает возможность путем временного пребывания в школе наших летчиков пройти курс усовершенствования».

...Естественно, в процессе обучения завязывались деловые и дружеские связи, и кто возьмется утверждать, что после того, как летчики возвращались в свои части, эти связи прерывались, а вновь прибывшие не передавали приветы от старых друзей?

«Броня крепка, и танки наши быстры»

Если вспомнить хронику времен Первой мировой войны, жуткие ползающие «консервные банки», именуемые танками (tank по-английски значит – резервуар, цистерна. Попросту говоря, и вправду банка)... Так вот, если вспомнить хронику, можно понять тех германских теоретиков, которые отрицали вообще какое бы то ни было будущее у танковых войск. Когда Гейнц Гудериан, будущий знаменитый танковый генерал, а тогда еще простой офицер инспекции министерства рейхсвера, заикнулся о необходимости создания на базе автомобильных частей танковых войск, ему ответили коротко и ясно: «К черту боевые войска! Пусть возят муку!»

Однако со временем даже твердолобые германские военные чиновники поняли, что без танков не обойтись. Убедил их не только Гудериан, успевший обзавестись к тому времени единомышленниками, но и опыт Англии и Франции. Уже в 1925 году генерал фон Сект заявил: «Танки станут особым родом войск, наряду с пехотой, кавалерией и артиллерией...» В 1926 году Секта, которого немецкие власти всегда подозревали в бонапартистских замашках, под

благовидным предлогом убирают из армии. Сменивший его на посту командующего сухопутными войсками Вильгельм Хайе издает приказ о создании танковых войск. Оставались сущие мелочи – разработать и испытать машины, обучить танкистов, и все это в обход Версальского договора.

В 1926 году на окраине Казани появились так называемые «Технические курсы Осоавиахима» (для негласного употребления – «Объект «Кама»»). Железный конь сменил живого: под школу, кроме казарм, отошли бывшие конюшни Казанского гарнизона и огромный пустырь для конных учений.

В танковой школе также обучались как немецкие, так и наши танкисты, а управляли совместно начальник школы – немец и его помощник – представитель РККА. «Помощником» он назывался чисто номинально, для конспирации и субординации, а руководили они школой на равных правах, но с разной сферой ответственности. Наш представитель решал в основном административные вопросы – все, связанное с русским персоналом и пр. Учебная программа курсов была составлена оборонным управлением рейхсвера. К тому времени в Германии уже устоялся взгляд на танковые части: быстрота движения, огневая мощь и неуязвимость. Надо было подгонять под эти требования качества боевых машин.

Как немецкая, так и советская танковая промышленность в те годы только начинала развиваться, при этом об изготовлении танков для Германии на русских заводах и речи не шло. Надо было откуда-то их брать и тайно доставлять в СССР. Задача была очень сложной. Теоретически можно тайно изготавливать танки на германских заводах, но такой род деятельности почти невозможно скрыть от посторонних глаз. Закупка за рубежом и транспортировка были делом не менее опасным. Снова в ленинградский порт пошли огромные контейнеры с «промышленным оборудованием», но их было слишком мало, а руководству РККА не терпелось скорей получить танки и первых «красных танкистов». Нарком обороны нервничал, намекал на какие-то санкции правительства. Выручила сельскохозяйственная концессия Круппа: танки попали в Россию под видом тракторов.

Пока в Казани мучительно готовили материальную базу, Гудериан в нейтральной Швеции отрабатывал тактику танкового боя. К тому времени постепенно ослаб и контроль за военной промышленностью Германии. Гудериан получил в свое распоряжение автомобильный батальон и стал заниматься испытаниями танков и отработкой приемов ведения боя на территории рейха.

Только в июне 1929 года в казанской школе состоялся первый выпуск инструкторов и началась подготовка слушателей. Учебная программа включала теоретический курс, прикладную часть и технические занятия. Слушатели изучали типы танков, их устройство, конструкцию моторов, виды оружия, тактику боевых действий, особенности материально-технического обеспечения. Прикладная часть включала обучение вождению в самых разнообразных условиях: по ровной местности и пересеченной, днем и ночью, с фарами и без фар... Обучение стрельбе, отработка действий в составе подразделений, учебные стрельбы и пр. довершали курс.

В школе был установлен строгий режим секретности. Все ее работники и курсанты носили красноармейскую форму. Немцам категорически запрещалось без крайней необходимости выходить за территорию. Даже телеграммы отправлялись на русском языке, а затем переводились и шли дальше уже на языке оригинала. Режим помог – осложнений не возникало.

Полноценно школа работала всего три года. За эти три года для рейхсвера она подготовила около тридцати человек, для РККА – около шестидесяти. Немного. Однако качество подготовки было очень высоким. Именно выпускники школы составили то ядро, вокруг которого в гитлеровской Германии развернулась крупномасштабная подготовка танкистов.

Наши получили от школы меньшую выгоду, чем рассчитывали. Планы-то были большие. В сентябре 1929 года нарком обороны Ворошилов изложил начальнику немецкого генштаба

Хаммерштейну-Экворду, чего, собственно, русские от немцев ждут. Тут было и создание КБ под руководством немецких специалистов, и учеба наших инженеров в Германии, и то, что немцы помогут нам наладить серийное производство танков, и даже, может быть, постройка у нас немецких танковых заводов. В общем, чтобы немцы помогли нам создать наше собственное танкостроение, ни больше, ни меньше. Хаммерштейн не отказывался. По его словам, в планы германской стороны входила разработка в Казани нового танка, лучшего из существующих. Не встретили возражений и другие идеи, высказанные Ворошиловым. Однако с реализацией возникли заминки – отчасти по объективным причинам, а отчасти потому, что даже у «восточника» Хаммерштейна русофильство все-таки так далеко не заходило.

Но не следует думать, что мы, во всем полагаясь на немцев, расслабились. В СССР полным ходом развивалось собственное танкостроение. И, жалуясь на то, что немцы не показывают нам новейшие разработки, наши тоже не спешили знакомить их со своими достижениями. А когда испытания все-таки начались, они были небесполезными не только для немцев, но и для нас. Многие элементы немецких танков нашли применение в нашем танкостроении. Многие наработки, опробованные в Казани, позже реализовались, когда немецкие танки пересекли советскую границу, не только с их, но и с нашей стороны.

Наблюдавшие за испытаниями танков русские работники курсов рассказывали, например, как танк загоняли в озеро, пытаясь проверить, может ли специально облегченная машина держаться на плаву, передвигаться по дну на небольшой глубине – а в 1941 году танки Гудериана форсируют Буг по дну. Впрочем, и наши по части тактики и теории многое приобрели. Так, например, немецкая методика обучения легла в основу «Руководства по стрелковой подготовке танковых частей РККА».

Танковая школа в Казани закрылась одновременно с Липецкой 6 сентября 1933 года, после того, как в Германии к власти пришел Гитлер.

Химия и смерть

Но самыми засекреченными из всех были химические объекты. И тому имелось наи-серьезнейшее основание. Летом 1925 года состоялось подписание Женевского протокола о запрещении военного применения удушающих и отравляющих газов и бактериологического оружия. В числе прочих подписантов была и Германия. В 1927 году к протоколу присоединяется СССР.

В 1928 году у нас началась первая пятилетка, согласно которой, на химическую промышленность выделялось 614 миллионов рублей, и 500 миллионов из них шло на военную химию. А в следующую пятилетку эта сумма составила уже три миллиарда. Не следует забывать, что даже самая неудачная совместная работа с немцами оставляла в руках советских ученых и промышленников определенное количество «ноу-хау», которые внесли свою лепту в колоссальный рывок, сделанный советской военной промышленностью перед Второй мировой войной.

Еще в 1926 году Россия и Германия договорились о совместном испытании газов. Работы над ОВ были настолько секретными, что точное количество полигонов неизвестно до сих пор. Есть точные сведения только о двух объектах. Это «Подосинки», расположенные в поселке Шиханы, что неподалеку от Саратова, и «Томка» возле населенного пункта Тоцкое Оренбургской области. Испытания, как уже было сказано, совместные, расходы – пополам. И снова техническое руководство испытаниями – немецкое, административное – наше. Обе стороны за отдельную плату могли получить образцы всех применявшихся и разработанных приборов. Все протоколы испытаний, фотоснимки, чертежи выполнялись в двух экземплярах – для каждого из партнеров. Мы предоставляли немцам полигоны, персонал и условия для работы. В ответ они брали на себя обязательство обучать специалистов по всем отраслям, по которым будут проводиться опыты, и давать им возможность принимать практическое участие в работе.

Обе стороны были обязаны сохранять полную секретность. Более того, в договоре специально оговаривалось, что если немцы не будут выполнять требования режима, то советская сторона «принимает меры», вплоть до расторжения договора. На объектах устанавливался режим не просто секретности – сверхсекретности. Немецкий персонал должен был находиться в полной изоляции, никаких знакомств с русским персоналом, а тем более – с местным населением. Разговоры – только в пределах служебной необходимости. Запрещены выход за территорию объекта, фотографирование, нахождение на предприятии без ведома руководства и т. п.

Начали с иприта. Уже в 1926 году провели первые опыты – разбрызгивание иприта с самолетов, испытания нового прицельного приспособления. Одновременно проверялась надежность средств химической защиты, разрабатывались способы дегазации местности. На этих полигонах исследовали все: химические бомбы, химические фугасы, цистерны для заражения местности, установки для выливания ОВ, приборы дегазации, защитные костюмы – все, что имело хоть какое-то отношение к ведению химической войны. Посетивший осенью 1928 года объект генерал Бломберг дал высокую оценку «Томке».

На этом, раннем этапе руководство РККА также высоко оценило работу объектов. Почти сразу же был разработан способ применения ОВ с помощью авиации, а советские специалисты, работая бок о бок с гораздо более квалифицированными немцами, многому научились. Да и при номинально равном финансировании на деле затраты советской стороны были в несколько раз меньше.

С самого начала Ворошилов не скрывал особого интереса РККА именно к военной химии. В обмен на расширение экспериментов правительство было готово пойти на увеличение финансирования, на уступки по спорным вопросам, касающимся других объектов. На «Томке» начал создаваться институт. Должен был прибыть первый химбатальон РККА для проведения испытаний.

Проблемы начались в 1929 году. Год оказался неудачным. По этому поводу Ворошилов писал генералу Хаммерштейну: «В течение года «Томка» не дала того, что мы, согласно договору, ожидали. Ряд технических дефектов в приборах, присланных немцами, в частности, взрыватель газовой бомбы, сделал их негодными. Бедность технических средств, которые немцы представляют на этот полигон, не оправдывает существование института... Это наводит на мысль, что здесь или недоразумение, или же нежелание вводить нас в курс новых и старых химических средств борьбы, которые рейхсвер имеет».

Похоже, немцы действительно не спешили допускать русских к своим секретам. Доступ в институт для наших был ограничен. Не собирались они и расширять базу испытаний. Что-то странное творилось на объекте. Советские специалисты, посещавшие Германию, посылали руководству отчеты, говорившие о высокой технической оснащенности немецких лабораторий. Под Саратовом все было проще, беднее, примитивнее. Откровенные во всем, что касалось прошлого применения ОВ, немцы замыкались, как только речь заходила о последних разработках. Представители рейхсвера обещали ознакомить партнеров со всем, всем, всем... Но время шло, а обещания оставались обещаниями. Немцы явно скрывали новейшие разработки, а наши спецслужбы не настолько качественно работали, чтобы получить их без ведома хозяев.

Немцев понять можно. К тому времени «восточная» ориентация внешней политики Германии начала уступать место прозападной. Они, естественно, не хотели делиться с нами разработками по тому виду оружия, по которому ушли далеко вперед, и в то же время не хотели терять полигон. Их поведение вполне вписывалось в новую психологию германского офицерства. Тот же Бломберг еще в двадцатые годы обронил фразу:

«Честью прусского офицера было быть корректным, а честь немецкого офицера должна заключаться в том, чтобы быть коварным».

В 1931 году Ворошилов уже откровенно потребовал от начальника генштаба рейхсвера генерала Адама компенсацию за возможность вести испытания химического оружия. В ответ

он слышал все ту же песню: успехи Германии в этой области ничтожны, интереса к ней нет. Еще полтора года шли вялые переговоры, пока летом 1933 года объект «Томка» не прекратил свое существование.

«Фоны» и краскомы за дружеским столом

Но для нас самый важный аспект сотрудничества – это личные контакты советских и германских военных. Естественно, они знакомились на всех совместных объектах, пили коньячок или водочку, болтали и заводили связи. И постепенно понимали, что у них немало общего. Немецкие военные презирали болтунов из Веймарского правительства, нашим тоже не прибавлял уважения к властям бардак, царивший в стране и в армии. Зато корпоративные связи крепили с каждым годом и с каждым визитом.

Что-что, а уж пить вместе и вести разговоры наши и немецкие офицеры имели все возможности. До самого прихода к власти Гитлера военные обеих стран активно ездили друг к другу.

Первые подобные контакты относятся еще к 1925 году. Тогда Михаил Тухачевский, бывший в ту пору заместителем начальника Штаба РККА, впервые был приглашен на маневры в Германию – естественно, не один, а с некоторым количеством подчиненных. В том же году группа офицеров рейхсвера присутствовала на маневрах РККА. Контакты были все еще негласными, ездили под чужими именами – что ж, так и интересней, и приятней. И те, и другие были в полном восторге от поездки и особенно от приема, который им оказали. В последующие годы посещения маневров стали основной формой военных контактов и проводились достаточно интенсивно.

Кроме того, широко распространен был еще так называемый «языковый обмен». С 1929 года рейхсвер финансировал изучение своими офицерами русского языка. Не задумываясь: а зачем это немцам надо? – Красная Армия организовала поездки офицеров рейхсвера, изучающих русский язык, в Москву, Ленинград и Белоруссию. В свою очередь, наши офицеры, и не из младших чинов, обучались в Германии.

В 1926 году состоялся почин: преподаватели академии им. Фрунзе Михаил Свечников и Сергей Красильников побывали на академических курсах в Германии. И если первый занимался в основном историей военного искусства, то второй – начальник отделения Разведывательного управления Штаба РККА и в Германии находился с 1924 года. Впрочем, у него были свои задачи, которым учеба совершенно не мешала. Да и репрессирован Красильников впоследствии не был.

В ноябре 1927 года для изучения постановки военного дела в Германию приехали командующий Северо-Кавказским военным округом, командарм 1 ранга Иероним Уборевич, начальник академии им. Фрунзе Роберт Эйдемман и начальник управления Московского военного округа Эрнест Аппога. Последние двое пробыли в Германии три с половиной месяца, а Уборевич задержался больше чем на год. Они посещали занятия в «несуществующей» академии Генштаба, бывали в воинских частях, знакомились с техническими новинками, организацией управления и снабжения армии.

В 1928–1929 годах пятеро советских военных высокого ранга – командующий Украинским военным округом Иона Якир, командир 6-го стрелкового корпуса Жан Зомберг, начальник 4 отдела Управления Штаба РККА Василий Степанов, командир корпуса ВУЗ Ленинградского военного округа Ян Лацис и начальник Управления связи РККА Роман Лонгва – обучались в Военной академии генерального штаба Германии. Хотя ни академии, ни самого генштаба по условиям Версальского договора так и не существовало. Первые трое – год, а двое последних – полгода. Особенно понравился немцам Якир: по завершении учебы советский

военачальник получил от президента Гинденбурга подарок – книгу Альфреда фон Шлифена «Канны» с дарственной надписью.

В качестве ответного визита генерал-майор Ганс Хальм почти год был гостем Штаба Красной Армии в качестве советника по военным вопросам. В апреле 1930 года трое советских командиров (Эдуард Лепин, Михаил Дрейер и Эдуард Агмин) посещают курсы школы сухопутных войск рейхсвера. В аналогичных мероприятиях в 1931 году участвовали командующий Белорусским ВО Александр Егоров, командующий Среднеазиатским ВО Павел Дыбенко и командующий Северо-Кавказским ВО Иван Белов. Последняя группа советских офицеров из четырех человек в составе командующего Сибирским ВО Михаила Левандовского, военного атташе в Японии Виталия Примакова, помощника командующего Украинским ВО Ивана Дубового и начальника штаба Ленинградского ВО Семена Урицкого обучалась с осени 1931 года на двухлетних командных курсах рейхсвера. (Последний в 1935 году возглавил Разведывательное управление РККА.)

Кстати, сотрудничество продолжали тщательно скрывать. Советские офицеры, которые посещали Берлин, обычно приезжали под псевдонимами, проживали на специальных конспиративных квартирах.

Связи рейхсвера и РККА были шире, чем кажется на первый взгляд – ведь ездили не рядовые, а командиры, занимающие генеральские должности. Причем контакты, естественно, не ограничивались официальными мероприятиями. Личное общение, приемы и ужины, прогулки и дружеские попойки, во время которых за долгими разговорами на полупьяную, а чаще совсем пьяную голову добывалась информация, прощупывалась почва, устанавливались связи.

В то время рейхсвер активно пытался проводить политику так называемого «идейного сотрудничества» с РККА. Заключалась она в том, чтобы создать единую, общую для обеих армий идеологию, подобно тому, как это позднее было у стран Варшавского договора. Германцы (а вернее, пруссаки), пытались «воспитывать» русских коллег в соответствии с национальным духом прусской аристократической военщины.

До начала Первой мировой войны кайзеровская Германия была не просто чрезвычайно милитаризованным государством. Армия, как писал Карл Либкнехт, была «не только государством в государстве, а прямо-таки государством над государством». Офицерский корпус германской императорской армии представлял из себя замкнутую касту и традиционно комплектовался почти исключительно из прусского юнкерства.

В свое время Ганс фон Сект сформулировал идеологию единого военно-политического государственного режима, и с самого начала сотрудничества немцы усиленно импортировали ее в Россию. Как писал полковник Фишер руководителю «Ц-МО» Лит-Томсену, «мы (т. е. рейхсвер. – *Авт.*) более всего заинтересованы в том, чтобы приобрести еще большее влияние на русскую армию, воздушный флот и флот».

Семена падали на благодатную почву. Еще бы – с незначительными поправками идеология германской армии в точности совпадала со взглядами Тухачевского и той группы советских военных, которых называли «красными милитаристами». Вполне естественно, что наши офицеры, учившиеся у немецких теоретиков и инструкторов, вместе со специальными знаниями незаметно для себя впитывали и идеологию прусского офицерства. Этим усилиям подыгрывали и наши идеологические службы. Потому что при том культе армии, который существовал в СССР в 30-е годы, мудрено было не переборщить с восхвалениями.

Негласные контакты особого рода

Было бы странно, если бы представительство армии в чужой стране пренебрегало разведкой. Было бы странно, если бы разведка пренебрегала промышленными контактами. Вспомним, как английские спецслужбы, чтобы негласно присутствовать в Азии, не только исполь-

зовали, но даже финансировали научные и археологические экспедиции. И какой-нибудь археолог с глазами, горящими от гениальных идей, шел искать спонсора в «Интеллидженс Сервис». Ниже нам придется встретиться с деятельностью представительств иностранных компаний в СССР, где работа тесно переплеталась с промышленным шпионажем, а промышленный шпионаж – со шпионажем как таковым. Ну, а любое наше представительство за границей было по самую крышу на шпиговано разведчиками ОГПУ и разведчиками РККА. Странно, если бы это было иначе.

Уже один подбор кадров для работы в России достаточно красноречив. Как уже говорилось, у истоков сотрудничества стоял не просто разведчик, а суперразведчик, легендарный полковник Вальтер Николаи. Майор Чунке, руководитель «ГЕФУ», до того имел немаленький пост в абвере. Техническим директором общества «Юнкерс» стал фон Шуберт, во время войны бывший начальником разведотдела командования Восточной армии. А сам Нидермайер после его азиатских вояжей в досье спецслужб всего мира, и наших в том числе, значился как специалист по разведке экстракласса. Неизвестно, в какой степени их деятельность можно отнести к сотрудничеству, а в какой – к банальному шпионажу. Все переплелось и все смешалось...

В начале 20-х годов сбор информации любого рода в СССР не представлял особых трудностей. Можно сколь угодно громко смеяться над сталинской шпиономанией и сверхбдительностью, над плакатиками типа: «Молчи, тебя слушает враг!» и «Болтун – находка для шпиона!», но подобное «промывание мозгов» было совершенно необходимо. Куда убежишь от такого рода фактов...

Во время Гражданской войны сообщения агентов побудили руководство Региструпра (тогдашней военной разведки) обратиться к высшему командованию РККА. В донесении говорилось: *«... в поездах и на станциях жел. дор. Великороссии красноармейцами и лицами низшего командного состава очень открыто высказываются сведения военного характера о местонахождениях штабов, частей войск на фронте и в тылу; называются участки фронта, кои занимаются теми или иными частями. Агентами во многих случаях указывается на явное злоупотребление своей осведомленностью чинов действующей армии и тыловых частей. В последнее время на Курском вокзале в Москве один из агентов... часто замечал спорящие группы красноармейцев в присутствии штабской публики, из состава которой некоторые лица задавали вопросы спорящим группам с явной целью детального выяснения частей войск и их местонахождения».*

Командование отреагировало незамедлительно, последовал секретный приказ главкома о недопустимости подобных вещей, однако вряд ли этот приказ сильно повлиял на положение дел. Вольница Гражданской войны была трудноискоренима, и если к концу войны бойцов и командиров кое-как удалось отучить обсуждать дислокацию частей в залах ожидания, то это нисколько не значит, что они молчали в более интимной обстановке, да еще «при распитии». Чтобы более-менее приучить страну к режиму секретности, понадобились годы массированного промывания мозгов, множество фильмов, газетных статей и статей Уголовного кодекса, плакатов на каждом углу и шпионских процессов. Двадцатые годы были годами большой откровенности.

Едва ли кого-то смущало и присутствие коллег из дружественной Германии, которая вместе с нами противостоит всему миру и в которой вот-вот вспыхнет революция. Кроме того, еще со времен Гражданской войны, особенно с незабвенного восемнадцатого года, когда многие жители безвластной страны легко соглашались сотрудничать с кем угодно, у немцев в России сохранилось множество агентов (впрочем, как и у англичан, поляков, французов и прочей Лиги Наций). А многочисленные немецкие специалисты, работавшие в СССР, легко осуществляли с этими агентами связь.

Естественно, ОГПУ не могло не заметить создания «Ц-МО» и отреагировало на него циркулярным письмом, в котором говорилось, что в последнее время в Советской России

появилось огромное количество немецких промышленников, коммерсантов, всевозможных обществ и концессий. *«...Личный состав этих предприятий, – отмечалось в циркуляре, – подбирается в большинстве своем из бывших офицеров германской армии и, отчасти, из офицеров бывшего германского генерального штаба. Во главе этих предприятий очень часто мы видим лиц, живших ранее в России, которые до и во время революции привлекались к ответственности по подозрению в шпионаже. По имеющимся и проверенным нами закордонным сведениям, в штабе фашистских организаций Германии имеются точные сведения о состоянии, вооружении, расположении и настроении нашей Красной Армии».* В письме перечисляется около десятка бывших разведчиков, в том числе и Нидермайер.

Чекистам вторит бывший германский посол в Москве Брокдорф-Ранцау (тот самый). Он вспоминает:

«По меньшей мере пять тысяч немецких специалистов работали на промышленных предприятиях, рассеянных по всей огромной стране Советов... Эти инженеры были ценным источником информации. Наиболее крупные из них поддерживали тесный контакт с посольством и консульствами. Благодаря им мы были хорошо информированы не только об экономическом развитии страны, но и по другим вопросам, например, о настроении населения и внутренних событиях. Я не думаю, чтобы когда-нибудь любая другая страна располагала столь обширным информационным материалом, как Германия в те годы»⁶.

Сам Нидермайер тоже регулярно общался с видными работниками РККА. По службе он поддерживал контакты с начальником управления ВВС Петром Барановым, его замом Яковом Алкснисом, начальником военно-химического управления Яковом Фишманом. Часто встречался с Тухачевским, Уборевичем, Якиром, Корком, Блюхером, а также с начальником Разведупра Арвидом Зейботом и особенно с его преемником Яном Берзиным. Имея изрядный опыт работы, Нидермайер мог без труда получать достаточно много полезных сведений. А когда фигурантов процессов конца 30-х годов начинали спрашивать о шпионаже, то они часто называли своим вербовщиком Нидермайера. Что, в общем-то, совершенно не исключено – на то он и разведчик.

⁶ Цит. по «Колесников В. Тайная миссия Нидермайера». // Служба безопасности. 1993. № 3–4.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.